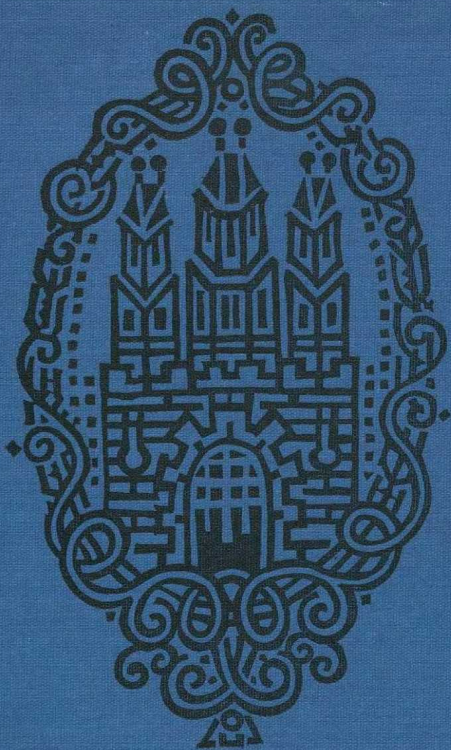

Мария Дюричкова

Братиславский
КОЛОКОЛ

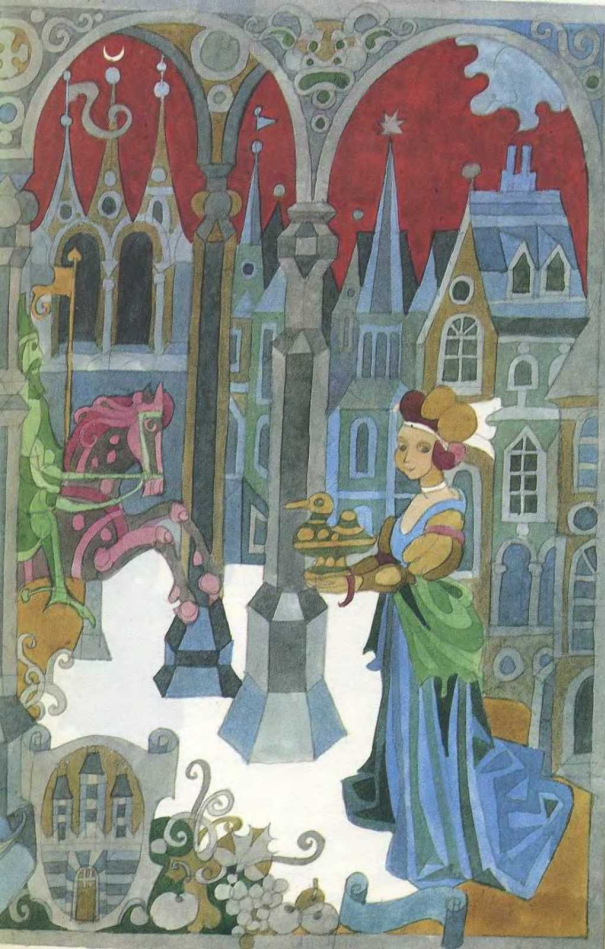

Мария Дюричкова: **Братиславский колокол**
Братиславские предания, легенды,
и исторические картинки
Младе лета
1986

*Братиславские предания,
легенды и исторические картинки*

МАРИЯ
ДЮРИЧКОВА

Братиславский колокол

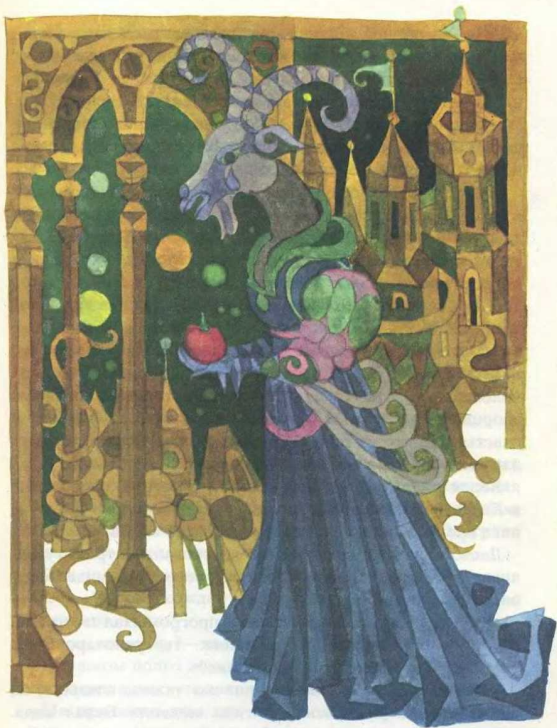

© Mária Ďuríčková 1978

Translation © Jozef V. Presňakov 1986

Illustration © Miroslav Cipár 1978

Яблоко жизни

В ТЕХ местах, где медлительная темноводная Морава встречается с быстрым, светлым Дунаем, тянулись когда-то болота и топи, окаймленные сырыми лесами.

В этих лесах молодой начальник сторожевого отряда, охранявшего дунайский брод, повстречал как-то лесную

фею — Белую вилу. Был он рослый и статный как тополь, она — стройная, нежная, как березка на раннем ветру. С первого взгляда полюбили они друг друга.

Напрасно Лесной владыка предостерегал Белую вилу: „Опасно любить человека!“ — она не поддавалась на уговоры. Вышла замуж за молодого воина и прожила с ним короткое жаркое лето.

С наступлением осени ушел ее любимый на войну, ушел и не вернулся. Так он и не узнал, что родились у Белой вилы девочки-двойняшки, похожие друг на друга, как две кувшинки в дунайской заводи, как два яичка в гнезде дикой утки посреди тростниковых зарослей.

С любовью и состраданием глядела Белая вила на своих детей. Красоту они унаследовали от своей вечно юной матери — но ведь они так же подвержены страданиям и смерти, как их отец. Как хотелось ей облегчить дочерям их человеческую участь! Конечно, она построит им великолепные дворцы — по глупым людским понятиям это большое счастье. Но что из того? Вот если б она сумела раздобыть для них... да, да, конечно! Она должна попытаться!

Белая вила собрала всю свою смелость и отправилась к Лесному владыке, которого не видела столько лет. Она пала пред ним на колени и склонилась до самой земли.

Лесной владыка сидел на своем деревянном троне, увенчанный короной из свежих липовых веток. При виде Белой вилы он нахмурил брови.

— Значит, надумала вернуться? — прогремел его низкий голос. — Признайся, Белая вила: ты разочаровалась в людях? Опротивела тебе их жизнь?

— Жизнь человеческая бесконечно тяжка, владыка, но и бесконечно прекрасна, — тихо молвила Белая вила. — В этой человеческой жизни у меня родились и выросли две дочери. Рядом с ними я пережила безмерную радость и безмерную печаль. Ведь я знаю, владыка, смерть угрожает им так же, как и всем детям рода человеческого. Вот почему я пришла к тебе. Будь милостив и великодушен, — Белая вила снова склонилась до самой земли, — я прошу тебя: дай им яблоко жизни.

В глазах владыки блеснул гнев.

– Не слишком ли многого ты хочешь, Белая вила? Разве ты не знаешь, что яблоко жизни еще не доставалось никому из людей?

– Знаю, владыка. Но ведь мои дочери не просто люди – они вилы по матери. Если б ты видел, как они прекрасны! Они такие милые, добрые! Если ты дашь им яблоко жизни, я навсегда расстанусь с миром людей и вернусь в твоё царство.

Долго думал владыка и наконец сказал:

– Хорошо, Белая вила, я дам тебе яблоко жизни для твоих дочерей. Время покажет, заслуживают ли они этот подарок.

Он протянул ей два яблока и строго сказал:

– Смотри же, помни – ты обещала вернуться!

Поспешила Белая вила к своим дочерям. Две статные девушки были до того похожи, что даже родная мать не всегда их различала.

Она привела дочерей в хорошо знакомую им долину:

– Посмотрите-ка вокруг себя!

Глянули девушки на зеленые луга, на высокие берега – и онемели от изумления. На крутой скале, нависающей над Дунаем, стоит замок. И на обрывистом берегу Моравы, там, где сливается с нею Дунай, вырос такой же замок. Могучие их башни подпирают синее небо.

– Эти замки я построила для вас, дочери мои, – сказала вила. – Чтобы каждая жила в своем замке спокойно и счастливо.

– А ты, мамочка? – воскликнули дочери в один голос.

– Слишком долго жила я среди людей. Теперь пора мне расстаться с вами, – печально сказала мать.

– На прощанье даю вам по яблоку, – продолжала она. – Вот они, эти волшебные яблоки, дарующие бессмертие. Пока человек не уронит это яблоко на землю, его жизнь не будет иметь конца. Поэтому берегите их как зеницу ока!

Белая вила поцеловала дочерей в лоб и тут же исчезла. Стали они звать ее, плакать – всё напрасно. Осиротели сестры.

Тут одна из них говорит:

— Знаешь что, сестрица, давай обменяемся яблоками. Я буду оберегать твою жизнь, а ты мою.

— Верно, сестра. Ведь и я твою жизнь буду оберегать заботливее, чем свою собственную.

Обменялись они яблоками жизни, обнялись на прощанье и отправились — каждая в свой замок.

Замок первой сестры назывался Девин: дворы просторные, башни высокие, палаты — одна богаче другой, конюшни полны коней, псарни полны собак. А уж слуг в замке — не перечесть.

Замок второй сестры назывался Городище. И там дворы просторные, башни высокие, палаты — одна богаче другой, конюшни полны коней, псарни полны собак. И слуг в замке не перечесть.

Поселились сестры в своих замках, осмотрелись, обжились, стали устраивать пиры, на охоту выезжать. И всегда они вместе, водой не разольешь...

Но как-то раз хозяйке замка Городище вздумалось прогуляться одной. Велела она оседлать коня, выехала из замка и помчалась во весь опор.

Летит она на своем скакуне и вдруг видит: скачет ей навстречу охотник. Волосы, черные как смоль, ниспадают на плечи, а взгляд блистает ярче драгоценных камней на его оружии.

Он учтиво поздоровался, она приветливо улыбнулась ему в ответ.

На обратном пути она думала лишь об одном: „Кто бы это мог быть?“ Образ прекрасного незнакомца запечатлелся в ее памяти, все время стоял перед глазами.

Через несколько дней она снова выехала на прогулку и сразу направила коня на то самое место, где повстречала незнакомца. И как же она обрадовалась, увидев, что он скачет ей навстречу и приветствует как старую знакомую:

— Благородная панна, а не поскакать ли нам снова наперегонки?

— Наперегонки? — улыбнулась она. — Почему бы и нет?

Но в памяти ее отравленным шипом застряло словечко

„снова“. Ах, что там, наверное, он оговорился, успокаивала она себя.

Они скакали наперегонки, потом стали стрелять птицу над болотами. Она подстрелила трех уток, а он – на одну больше. Их лица разрумянились, глаза горели.

– Когда же я снова увижу тебя, бесценная панна? – спросил он при расставании.

– Когда? – Ее радостный смех выдал намного больше, чем ей хотелось бы. – Когда солнце поднимется в третий раз.

– Ты обрекаешь меня на долгое ожидание, благородная панна.

Какой нетерпеливый, думала она по дороге домой, это нехорошо. Но ведь и я сама такая же! И мне эти три дня покажутся такими долгими. Ах, скорее бы они прошли!

И она не утерпела, на другой же день снова оседлала коня и поскакала в лес, охладить разгоряченную голову.

Мягко стучали копыта в тени могучих деревьев.

Вправо над топью взлетели дикие утки и в низком полете скрылись в камышах. „Что-то их встревожило“, подумала она. Снова всполохнулась, поднялась сая – и тут же две

утки, пронзенные стрелами, кувыркаясь, рухнули на землю. Странное беспокойство охватило ее: что это там за охотники? Она перевела коня на шаг, потом и вовсе спешилась и осторожно стала пробираться к тому месту, где по ее догадке должны были находиться стрелки.

Сбылось ее предчувствие!

Молодой охотник с черными как смоль волосами нес от болота двух подстреленных уток. Вот он бросил их к ногам молодой женщины в охотничьем платье и с самострелом в руках. Он что-то сказал ей, и она громко рассмеялась. Ах, этот смех — он ранит в самое сердце! Это же смех ее сестры! Какая змея! И он, коварный злодей! Ах, эта двойная измена!

— Ты ошибаешься, молодой господин! — услышала она голос своей сестры. — В прошлый раз я подбила не трех уток, а всего лишь одну. Тебе стала изменять память!

— Прошу простить меня, благородная панна, в твоём присутствии я теряю не только память, но и голову. Когда же ты позволишь мне узнать, где твой дом, чтобы я мог попросить твоей руки? Я утешаюсь лишь надеждой на твой благосклонный ответ.

И снова этот смех, только приглушенный и как бы растерянный.

— Не слишком ли ты нетерпелив? — слышит она слова, которые она бы, пожалуй, сама произнесла в подобную минуту. — Ведь мы виделись всего два раза.

— Всего два раза? А я-то готов был поклясться, что четыре. Вот видишь, бесценная панна: всё, что связано с тобой, имеет для меня двойной вес и двойную цену.

Так они взаимно удивлялись и уличали друг друга в ошибке. Зато хозяйке Городища все уже было ясно: молодой охотник дважды повстречал ее, и столько же раз — ее сестру, но был убежден, что всякий раз видел одну и ту же. Проклятое сходство!

— При следующей встрече я открою тебе, кто я и где живу, — сказала хозяйка Девина.

— Значит, я могу надеяться! — радостно воскликнул охотник. — Но когда же она наступит, эта встреча?

„Никогда“, беззвучно выкрикнула сестра, скрытая кус-

тарником. „Никогда и ни за что!“ — и сама испугалась своей яростной решимости.

Поспешно вернулась она к месту, где оставила своего коня, вскочила на него и помчалась с ветром наперегонки, надеясь, что бешеная скачка остудит жгучий огонь в ее груди.

Глухо стучали копыта, ветер свистел в ее ушах. Однако чем дольше она скакала, тем жарче пылали ее щеки, яростнее горели глаза, нестерпимее жгло в груди. Нет, этого ей не вынести, не стерпеть...

Она направила коня к замку, во дворе соскочила с седла и бросилась, как безумная, в свой покой. Там, в великолепном ларце с ожерельями, перстнями, серьгами хранилось яблоко жизни, более драгоценное, чем все эти украшения.

Она схватила его, подбежала к окну.

— Ну что, сестричка, — процедила она сквозь зубы, — ты лишила меня моего счастья, а я сейчас лишу тебя жизни.

Размахнувшись изо всей силы, она швырнула яблоко вниз, во двор. Ей почудилось, что земля дрогнула, когда яблоко ударилось об нее. Невольно она перевела взгляд туда, где на далекой скале стоял во всей своей красе замок Девин. И она увидела, как стены и башни Девина поднялись на воздух, на миг словно замерли в нерешительности и тут же рухнули на землю. К небу поднялась огромная туча пыли, пронизанная языками пламени.

— Ах я несчастная, что я наделала? — ужаснулась хозяйка Городища. Одержимость мысли, ожесточенность сердца вмиг исчезли, словно их и не было. Ледяной ужас охватил ее.

Она посмотрела вниз — и что она видит? Там, где только что ударилось о землю яблоко жизни, на ее глазах растет дерево. Оно тянется все выше и выше, это яблоня, листья ее шуршат глухим упреком.

— Я убийца! — Ломая руки, хозяйка Городища стремглав бросилась вниз, к яблоне. Обхватила ствол, прижалась к нему, чувствуя, как бьется под теплой корой сестрино сердце. И когда она так стояла, прильнув к дереву, ей почудилось, что и сама она превращается в дерево, что руки и ноги ее уже обрастают мхом. Нет-нет, какой же это мох

— это шерсть! А на голове — что это?... О ужас, ведь это рога! Она хотела закричать, но из горла у нее вырвалось лишь хриплое козье блеяние.

Сбежалась челядь: что это за дерево выросло вдруг посреди двора? И как страшно меняется на глазах у всех хозяйка замка! Она ведь стала черной козой!

— Колдовство! Злые чары!

— Бежим, бежим скорее из этого козьего Городища!

Все разбежались прочь, чтобы никогда больше не возвращаться в проклятый замок.

С тех пор это место на вершине скалы иначе не называли как Козье городище.

Покинутый всеми замок ветшал и рушился. В конце концов беспощадное время стерло последние его следы. О том, что он был когда-то, могучий и прекрасный, свидетельствует лишь это предание.

Буканова дочь

ХОРОШ дом старейшины Букана: прочный дубовый сруб, щели между бревнами заделаны глиной и выбелены известкой. Развесистые липы и стройные тополя укрывают его в своей тени. Старый Букан горд своей усадьбой, но больше всего гордится тем, что получил ее в награду за верную боевую службу.

Для полного счастья не доставало Букану лишь одного. Мечтал он, что вырастет у него сын, продолжатель рода Буканов, а если понадобится, то и дружинник князя Браслава. Но напрасно Букан приносил жертвы огню и священному источнику. Напрасно кланялся тайком древним божкам, видно, и вряпмь это были глухие и слепые идола, как твердило о них новое учение. Впрочем, молитвы новому христианскому богу тоже остались безответными. Так и не дождался Букан сына, только три дочери было у него.

— Не отчаивайся, сын мой, — утешала его мать, — из дочки тоже можно вырастить славного воина.

Горько усмехнулся старейшина, но материнским советом не пренебрег. Всех трех дочерей научил и на коне скакать, и из самострела стрелять.

Однажды на исходе лета — челядь Букана как раз веяла зерно на току — затрубил где-то за воротами рог. Знакомый звук зубрового рога, предвещающий вести от князя Браслава.

Люди высыпали со двора и сгрудились у проселка, по которому приближались в клубах пыли два всадника. Один то и дело трубил в рог, другой высоко держал обнаженный меч.

— Война! Опять война! — заахали люди. Женщины в испуге прикрывали рот ладонью.

Всадники остановились перед усадьбой, кони беспокойно приплясывали под ними.

— Слушайте послание короля! — провозгласил всадник с обнаженным мечом. — Король Сватоплук, наш господин и защитник, обращается к своему народу: Встаньте на защиту родной земли! Пусть каждые семь человек выставят одного воина. Он должен в течение двух дней прибыть в замок князя Браслава! Таков наказ короля!

Всадники прищипорили коней и понесли дальше свою грозную весть.

Люди Букана поспешили вернуться к своей работе. Когда приближается война, нужно скорее спасти урожай!

Только старейшина не спешил. Он тяжело шагал позади всех. Плечи его сгибались под бременем лет, в суставах давала себя знать старческая подагра. „Выставить воина!“ — звучал в его ушах королевский наказ. Сумеет ли он вскочить в седло, как в былые времена? Лучше и не пытаться, а то челядь засмеет. Он вошел в дом и остановился перед стеной, где среди прочего оружия висел его меч — старый боевой товарищ. Букан вытащил его из ножен, попробовал замахнуться на воображаемого противника — но рука бессильно опустилась. Он понурился, вложил меч в ножны и, медленно ступая, вышел в сад. Там, под развесистой липой, он уселся на привычное свое сиденье — пень, накрытый овчиной, положил руки на колени. Ветерок раздувал его волосы, белые как паутина. „Старик,

совсем старик,“ – понял Букан и тяжело ему стало от этой мысли.

– Поди сюда! – окликнул он молодого работника.

– Что прикажешь, хозяин?

– Скажи моим дочерям, что я их здесь жду.

Пришли в сад три девушки, красивые, высокие, статные.

– Ты звал нас, отец?

– Звал, дочери мои, – сказал Букан. – Как ни тяжело, а придется вам сказать. Не под силу мне идти на войну. Не может человек остановить время, помешать старости. Теперь уже вы, дочери мои – моя молодость и сила. Я научил вас верховой езде, ратному умению, и теперь спрашиваю вас: кто из вас пойдет на войну вместо меня, чтобы не пал позор на мои седины? – Ну, что ответишь мне ты, дочь моя Сватава?

Сватава, самая старшая из дочерей, глубоко поклонилась и сказала:

– Я бы и рада пойти вместо тебя, батюшка, я бы это за честь сочла. Но, по правде говоря, не гожусь я для боя. Сердце у меня мягкое, видно, уродилась я в покойную матушку. Не прогневайся, отец, но я не смогу убить человека.

Старик перевел взгляд на вторую свою дочь:

– А ты что скажешь, дочь моя Любава?

Средняя дочь опустилась на колени перед отцом:

– Горько мне разочаровывать тебя, батюшка, – сказала она, свесив голову. – Я тоже унаследовала от матери мягкое сердце. Тебе, может, и невдомек, но каждый раз, когда ты идешь забить свинью, я убегаю в самый дальний конец сада, чтобы не слышать ее предсмертный визг. Прости меня, отец!

Старик сжал губы и прищурил глаза. Да, жестоко поступили с ним боги, не дав ему сына!

Он взглянул на младшую дочь:

– А что скажешь мне ты, Белява?

Младшая дочь подошла к отцу, склонила голову, увенчанную русыми косами, и поцеловала морщинистую руку, лежащую на колене.

— Батюшка, большая честь для меня — занять твое место в королевском войске. Я не боюсь врагов, и стрелы мои редко пролетают мимо цели. Послезавтра утром я буду готова тронуться в путь.

Лицо старейшины просияло.

— Спасибо тебе, дочь моя, ты спасла от позора мои седины. Да благословит тебя бог!

Весь дом принялся собирать воина в дорогу. Одни одежду-обувку готовят, другие лепешки пекут, третьи коня подковывают.

А Белява у себя в комнате проверяет оружие. Самострел у нее хороший, из доброго тисового дерева, вот только тетива нужна новая. Расплела Белява свои льняные косы и отрезала острым ножом три пряди. Сплела из них тетиву прочную и тонкую — так и звенит, и врезается в руку. Сшила себе на левую руку перчатку из замши, тонкую, но прочную, чтобы и пальцы защищала, и при стрельбе не мешала. Всему этому научила ее когда-то покойная бабушка, мудрая мать старейшины Букана. Потом Белява проверила все стрелы и каждую смазала ястребиным салом, чтобы настигали цель как ястреб: быстро и верно. Боевой топорик своими руками наточила на жернове. Наконец вложила в сумку целебную мазь и полотняный бинт из мягкой, не раз стиранной льняной рубахи.

Наутро третьего дня Белява уже стояла в одежде воина, подпоясанная широким поясом с серебряным набором. На голове блестящий шлем-шишак, через плечо — самострел и колчан со стрелами, за поясом — секира. А на плечи наброшен тулупчик. Славный молодой боец!

Распростилась Белява с сестрами и со всем домом. Отец проводил ее до самой дороги.

— Да благословит бог твой путь, Белява, дочь моя! Ты заменила мне сына. И пусть бог счастливо приведет тебя назад! — сказал ей Букан на прощанье. Потом он долго глядел ей вслед, как она летела на коне, словно стрекоза над дунайской водой. Пока совсем не скрылась из глаз.

В ратном стане под Браславградом кипела жизнь. То и дело прибывали воины из близких и дальних мест, на конях и пешком, по суше и по Дунаю. На огромном костре

зажаривался целый вол, бочонки с пивом и медовой брагой передавались из рук в руки.

Белява предстала перед воеводой Браславом:

– Светлейший князь, воин со двора старейшины Букана прибыл по королевскому приказу!

– Приветствую тебя, молодой Букан! – сказал Браслав и залюбовался стройным воином. – Надеюсь, ты так же смел, как и хорош собой! Назначаю тебя в отряд конных стрелков.

Как только солнце поднялось над главной башней замка, дружина Браслава вышла в поход.

Да, могучее войско собралось под знамена короля Сватоплука! Когда все отряды сошлись, они образовали бесконечный поток, гудящую живую реку. Она катилась на глазах у пораженных мирных жителей с раннего утра до позднего вечера.

А потом войско Сватоплука встретилось с другим войском, вражеским. Сошлись они как две грозные тучи, и молнией ударил бой. Зазвенели тетивы, со змеиным свистом полетели стрелы.

Смотрит князь Браслав и видит: один из стрелков вскочил на седло и стреляет стоя! Присмотрелся — ведь это молодой Букан! Наложит стрелу, прицелится, спустит тетиву... и от каждой его стрелы один из тевтонских латников валится на землю как сноп! „Каков молодец! — думает князь. — И смел, и красив как девица. Будь ты девушкой, я бы на тебе хоть сейчас женился.“ — И князь рассмеялся этой шальной мысли.

Выиграло битву войско Сватоплука, отбросило врага далеко за пределы своей родной земли.

После боя славяне оказали помощь раненым и похоронили павших. Князь Браслав тоже был ранен мечом, но, к счастью, упругая кольчуга смягчила удар. Тут подоспел молодой Букан, приложил к ране полотняный лоскут с целебной мазью, перевязал мягкой повязкой, откинул князю волосы со лба, освежил лицо влажным платком.

„До чего же у него рука легкая! — думает Браслав. — Пальцы как лилейные лепестки, ласкают, холодят, благоухают. Эх, кабы это была девушка — женился бы, не раздумывая!“

Возвращается домой дружина Браслава. Воины устали, еле держатся в седлах — но радости нет предела! Прогнали тевтонцев, да еще везут с собой два воза богатой добычи. Каждому достанется заслуженная доля.

Глядит князь на молодого Букана: тяжело подумать, что придется расстаться с ним.

— Если хочешь, — говорит он ему, — можешь вступить в мою дружину, жить будешь у меня в замке. А если правду

сказать, очень я жалею, что ты не девушка. Будь ты девицей, я бы на тебе женился, не мешкая!

Воины засмеялись удачной шутке.

Тут молодой Букан снял шишак, и по плечам его рассыпались длинные льняные косы.

— Пресветлый князь, — говорит Букан, — я и есть девушка, а зовут меня Белява. Если ты не отказываешься от своих слов, я охотно пойду за тебя; и отец мой Букан, думаю, тебе не откажет, потому что человек ты смелый, честный и справедливый.

Старейшина Букан был рад без памяти, что Белява благополучно вернулась с войны. А еще больше радовался он, когда князь Браслав женился на ней и увез ее в свой замок. И уж никто представить себе не сможет, как обрадовался старый Букан, когда у молодых супругов родился сын, который к тому же унаследовал дедово имя — Букан.

„Теперь можно спокойно ждать, когда судьба оборвет нить моей жизни,“ — думал старейшина.

Но он еще прожил немало лет: сидел себе на солнышке, положив руки на колена, а ветерок раздувал его волосы, белые и тонкие, как паутина.

Витязь и дракон

В ПРАДАВНИЕ времена, когда Братиславский замок был маленькой крепостью с одной-единственной башней, правил этим краем старый князь. Ему принадлежал не только замок, но и все окрестные земли.

Неподалеку от замка, на востоке, раскинулись Синие скалы — так их называли из-за голубоватого цвета камня. И вырос в этих скалах трехглавый дракон.

Сначала он был просто огромным змеем, но когда прошло сто лет, а потом еще сто, у него выросли еще две головы, да еще два крыла в придачу — вот так же из ствола старого дерева вырастают новые ветви. С тех пор дракон стал бичом той страны. Зимой-то он спал в подземном логове, как и полагается всем змеям, но с приходом весны выползал из-под скалы, отощавший и свирепый от голода.

Вот когда он был страшен! Глаза горели яростным пламенем, из ноздрей дым валил, длиннющим хвостом он

бил вокруг себя, вырывал деревья с корнем, губил людей и всякую животину, всё вокруг превращал в пустыню.

Велел князь кинуть клич по всей стране: Если найдется смельчак, который убьет дракона, он получит в жены любую из трех княжских дочерей и пол-княжества впридачу.

Но охотников не нашлось. Страна только что пережила кровопролитную войну, и в боях погибли все отважные витязи, все лихие смельчаки.

Некому было сразиться с драконом.

Чуть подальше к востоку, в Малых Карпатах, жил в лесу старый пустынный. Удалившись от людей, он проводил свою жизнь в одиночестве и в размышлении.

Вышел он как-то из своей пещеры, целебных трав поискать, и поднялся на гору. День был весенний, ясный, и с вершины пустыннику далеко было видно вокруг. Но вид был нерадостный: вывороченные деревья, сожженные дома, плачущие люди. Глянул пустынный на Синие скалы – и увидел дракона! Лежит на солнцепеке, греется, довольный, как ни в чем ни бывало.

Вздыхнул пустынный и говорит сам себе: „Что если подойти к нему и спросить...?“ И пошел к дракону.

– Приятного тебе отдыха, могучий дракон, – поздоровался он с ним.

Приподнялся дракон, покачал всеми своими тремя головами:

– Чего тебе надобно от меня, черный старик?

– Хотел я спросить тебя, могучий дракон, почему ты каждую весну разоряешь наш край, губишь столько людей и скота? Какой тебе от этого прок?

Дракон только что наелся до отвала и настроен был благодушно. Кроме того, ему понравилось, что старец разговаривает с ним так почтительно. Поэтому он соизволил ответить довольно вежливо:

– Если б ты, старик, проспал всю зиму, как я, и проснулся голодный как волк, ты бы тоже лютовал не хуже меня.

– А я бы на твоём месте, могучий дракон, заранее заготовил себе какую-нибудь пищу.

Дракон насмешливо загоготал:

— Значит, заготавливать себе осенью пропитание на весну? Нет уж, приятель, это не в моем, не в драконьем характере. Вот если бы... Да, пожалуй, это еще куда ни шло! Вот если б люди готовили мне к весне что-нибудь этакое... скажем, славную, аппетитную девушку... Тогда я бы, пожалуй, не стал их разорять... Так и скажи людям, старик! А теперь уходи, мне спать хочется!

Дракон перевалился кверху брюхом и захрапел.

Задумался старец: как тут передашь людям эту страшную весть? А если передать, то кому?

Отряхнул пустынный от пыли свою черную рясу и отправился в замок. Рассказал князю, как разговаривал с драконом и что это чудище ему ответило.

Князь тут же повелел созвать старейшин. Стали держать совет. День совещались, другой. Словно тяжелый камень лежал у каждого на душе, но другого выбора не было — ничего не оставалось, как согласиться. Решили каждую весну жертвовать молодой девушкой, чтобы дракон оставил страну в покое.

Так и повелось, что каждый год с приближением весны стали бросать жребий. Несчастную, на которую падал жребий, с плачем отводили к Синим скалам и оставляли там на съедение чудовищу. А старый пустынный каждый раз высекал на синем камне ее имя.

Уже одиннадцать имен стояло на камне, а в двенадцатый раз пал жребий на княжескую дочь Дубравку, которая только-только входила в самый расцвет девичества.

Заплакал князь, заломила руки княгиня — но что было делать?

Нарядили красавицу-Дубравку как на свадьбу, усадили в золотую карету и повезли на смерть, к Синим скалам.

Уже приближалась печальная процессия к проклятым скалам, как вдруг показался вдали всадник. Когда он приблизился, все увидели, что это рыцарь в блестящих латах и пурпурном плаще, с копьем у седла, на сером коне.

— Что здесь происходит? — спрашивает рыцарь. — Покойника не видно, а причитаєте вы все как на похоронах!

— Загляни, витязь, в ту золотую карету, тогда все и узнаешь.

Подскакал витязь к золотой карете, увидел Дубравку, прекрасную, как цветок на росистой заре, и ее плачущих родителей.

— Что здесь случилось, пресветлый князь, почему народ так убивается?

— Видно, издалека ты приехал, витязь, если не знаешь о нашей беде. О драконе, которому мы обязаны каждую весну отдавать юную деву. Взгляни на эти имена, — князь показал на синий камень, — скоро появится на нем имя моей дочери, Дубравки.

— Не бывать этому! — воскликнул рыцарь, схватившись за копье. — Не плачь, Дубравка, не плачьте, князь и княгиня, все обернется к лучшему!

Рыцарь направил коня к Синим скалам, туда, где зиял вход в драконье логово.

— Выползай, дракон, из своей норы, знатные гости пожаловали к тебе! — воскликнул он звонким голосом.

Из отверстия повалил огонь и дым.

— Кто это здесь бахвалится в моих владениях? — проревел дракон, выползая из пещеры.

— Пришел рыцарь оказать тебе честь, силами с тобой померяться. Готовься к бою, страшилище!

И рыцарь метнул в дракона копье, да так метко, что сразу пронзил ему одну из голов.

Голова повисла, глаза у нее померкли, огонь в глотке зачал и погас.

Дракон взревел с такой яростью, что скалы затряслись и пыхнул на витязя пламенем и едким дымом. Но витязь поворотил коня, объехал скалу и вонзил копье в затылок другой драконьей голове. Затряслась голова, засипела, поникла и перестала извергать огонь и дым.

Тут дракон взревел так, что скалы стали трескаться! Третья голова обдала витязя огнем с головы до ног. Загорелся пурпурный плащ, раскалились стальные латы... Тут конь разогнался так, что искры полетели у него из-под копыт, вихрем обогнул скалу, и витязь на полном скаку пронзил третью драконью голову. Дракон взмахнул крыльями, забил хвостом, из пасти хлынула рекой черная кровь. Тут ему и конец пришел.

Рыцарь отдышался, сорвал пучок прошлогодней травы и вытер копье. Сорвал второй пучок и вытер коня от пены. Потом смыл с себя кровь родниковой водой, вскочил в седло и направил коня к людям, сгрудившимся у дальних скал.

— Дракон убит, — только и сказал он им, — а ты, Дубравка, свободна.

Тут началось такое ликование! Смеху и радости не было конца. Откуда ни возьмись, появились вдруг бочонки с вином, пивом, медовой брагой, зазвенели чаши.

— А теперь скажи нам, отважный витязь, кто ты, откуда и куда путь держишь, — спросил князь.

— Пресветлый князь, я — рыцарь Юрий. Я странствую по свету и помогаю, как могу, добрым людям. А сейчас как раз возвращаюсь в свой замок.

— Счастье и радость вернул ты нашему краю и моей семье, — сказал князь. — Награда избавителю давно уже объявлена: рука моей дочери и пол-княжества в придачу.

— Рука твоей дочери Дубравки? Такая награда — неожиданное счастье для меня, — сказал рыцарь, приложив руку к сердцу и глубоко поклонившись Дубравке, а та зарделась как маков цвет. — А что до половины княжества, — продолжал рыцарь, — на что она мне? Благодарю, княже, но мне довольно и того, чем я уже владею.

— Я вижу, ты подлинный рыцарь, отважный и благородный, — сказал князь. — Пусть же память о тебе навсегда сохранится в сердце моего народа. Здесь, на этих скалах, где ты добился победы, заложу я город. И пусть этот город несет твое имя — Юр.

— Да здравствует рыцарь Юрий! — воскликнул народ. — Да здравствует будущий город Юр.

Князь поднял руку и продолжал:

— На гербе города Юр пусть будет изображен рыцарь, поражающий дракона — в память о твоём подвиге!

Радостная процессия направилась в Братиславский замок, чтобы отпраздновать пышную свадьбу. После свадьбы рыцарь Юрий увез красавицу-жену Дубравку на свою далекую родину.

Остался у Синих скал лишь старый пустынник. Острым резцом он вырезал на камне — нет, не имя двенадцатой девушки. Вырезал он надпись: „24 апреля — Юрий победил дракона“.

Лицо старика выражало радость и спокойствие. Закончив свой труд, он отправился в пещеру на склонах Малых Карпат. Больше он не появлялся среди людей.

Давным-давно случилась эта история, но память о рыцаре Юрии не померкла. Не только город Юр гордо нес и до сих пор несет его имя. Город Братислава тоже избрал Юрьев день — 24 апреля своим праздничным днем, ежегодно именно в этот день проходили выборы городского совета и старосты.

И нашелся безымянный художник, увековечивший в камне бой рыцаря Юрия с драконом. Но вместо огня три драконьи пасти извергают водяные строи. Прекрасный фонтан Юрия-драконоборца стоит перед одним из братис-

лавских дворцов и считается достопримечательностью города.

А еще предание рассказывает, что каждый год на Юрьев день каменный рыцарь оживает и кланяется жителям города. Это он благодарит за добрую память о нем.

Предание о башне

ОКОЛО 1300-го года волею короля Ондreja III в Братиславе был построен монастырь для монахинь ордена святой Клары (в народе их попросту называли „кларисками“). Монастырь с квадратным внутренним двором, который был обрамлен открытыми аркадами и укра-

шен цветами — поистине он заслужил свое название „райского двора“. Заодно возвели для монахинь и великолепную церковь со стрельчатыми сводами, с кружевным каменным орнаментом вокруг высоких узких окон, скупно впускаявших солнечный свет. Кроме того, король, даровал монастырю несколько деревень в окрестностях Братиславы.

Монахини воспринимали всё это как должное. Ведь все они происходили из знатных семей. Были среди них урожденные графини, баронессы, княжны и даже одна королева. Кто же еще, как не они, мог притязать на прекрасные условия, на беззаботную, безбедную жизнь?

Но с некоторых пор одно обстоятельство отравляло монахиням существование. Францисканский монастырь, расположенный неподалеку от них, сразу же за Михальской улицей, возвел над своей церковью башню невиданной красоты. А церковь кларисок как была, так и осталась без башни! Как тут было не огорчаться высокородным монахиням, которые привыкли быть первыми во всем? Неужто монастырь святой Клары недостаточно богат, неужто он позволит посрамить себя хоть в чем-то?

И вот примерно в 1400-м году над церковью кларисок поднялась наконец башня — да такая, что краше и представить себе нельзя.

Вот какое предание о постройке этой башни бытовало среди старожилов Братиславы.

Рыцарь Кристиан, набожный молодой человек, не раз посещал обеденную мессу в церкви кларисок. Но с тех пор, как он увидал среди монашек сестру Матильду, он стал ходить туда каждый день. (Имя он выведал у сестры-привратницы за серебряный талер.)

Лицо у сестры Матильды было как яблоневый цвет. Ее бархатные карие глаза глядели на мир с вечным недоумением, словно спрашивая: как я сюда попала, что это за люди вокруг меня.

Кристиан лишился сна с тех пор, как разглядел эти глаза под накрахмаленным белым чепцем. И эту фигурку, почти детскую, которая обрисовывалась под темным одеянием послушницы. И эту улыбку, от которой она еще не успела отвыкнуть.

Долго боролся Кристиан с самим собой, долго пытался стряхнуть с себя это наваждение. Все было напрасно. Тогда он решился и попросил настоятельницу монастыря принять его.

Настоятельница Мария Эмеренция де Дьярмат приняла Кристиана в своей келье с побеленными стенами и большим темным столом, на котором стояло драгоценное распятие. С первого взгляда настоятельнице бросилась в глаза его молодость, его статная мужественная фигура в роскошном рыцарском наряде, и она сразу почувствовала какую-то странную неприязнь к этому молодому человеку.

— Дстойная мать-настоятельница...

Голос Кристиана дрожал и ломался, когда он начал говорить о своих душевных муках. Любовь вкладывала в его уста слова смирения, хотя он больше привык отдавать властные приказания.

— Я бы не посмел высказать свою просьбу, — объяснял он, — если б не знал, что сестра Матильда еще не постриглась в монахини.

Холодно и пристально глядела на Кристиана Мария Эмеренция. Ей смутно вспоминалось, что когда-то и ее душу опалял подобный огонь. Этот пагубный и постыдный жар никак не подходил ее высокому происхождению. К счастью, родители вовремя вмешались и поспешили отвезти ее в монастырь вместе с ее богатым приданым. Здесь это пламя угасло, оставив после себя лишь горький привкус пепла. Поистине, всё суета сует, лишь слава господа нашего пребывает вовек.

— ...я готов на любую жертву, дстойная мать-настоятельница, с радостью выполню любое ваше условие.

Сердечный пыл Кристиана несколько не интересовал настоятельницу, зато в мыслях ее эхом отозвались последние его слова: „я выполню любое ваше условие“.

— Так ты говоришь: любое? — повторила она.

— Да, дстойная мать-настоятельница, я готов сделать всё, что в человеческих силах, — отвечал рыцарь Кристиан. — Хоть этим я докажу, как велико мое чувство.

Мария Эмеренция де Дьярмат еще раз окинула его холодным взглядом, затем поманила пальцем к окну, проби-

тому в толстой стене. Вытянув руку, она показала на башню францисканской церкви – восхитительное каменное чудо, возвышавшееся над черепичными крышами приземистых домов.

– Видишь эту башню, рыцарь Кристиан? Так вот, если ты возведешь над нашей церковью башню, которая превзойдет своей красотой и изяществом башню францисканцев, тогда я сама готова поговорить с сестрой Матильдой...

От волнения Кристиан побледнел. В порыве благодарнос-

ти он опустился на колено перед настоятельницей и поцеловал ей руку.

— Благодарю, достойная настоятельница, ты заронила надежду в мою душу.

Спустя недолгое время над церковью кларисок, в западном углу нефа, начала расти башня, окруженная строительными лесами. С каждым днем она все выше устремлялась в небо.

— Слыханное ли дело, строить башню без всякого фундамента? — качали головой местные каменщики. Их злило, что рыцарь Кристиан поручил строительство башни этим чужакам, итальянским мастерам.

— Ну и ну, они лепят ее на боковую стену храма, словно ласточкино гнездо!

— Ветер дунет, она и свалится!

Они смеялись, пожимали плечами, но любопытство не давало им покоя. Каждый божий день они наведывались на стройку.

— Дай, думаю, посмотрю, не унесло ли ее ветром.

— Ну нет, пока еще леса ее держат. Зато потом поглядим, что с ней станется!

Сестры-клариски тоже любопытствовали. После заутрени, когда небо над восточными городскими стенами только-только начинало розоветь, они почтительно возводили взоры к башне и перебирали тонкими перстами крупные зерна четок, висевших у них на поясе.

— Пресвятая дева Мария, мать божья...

Одна только сестра Матильда не молилась. С удивлением глядела она на растущую башню, и с еще бóльшим удивлением — на молодого рыцаря, который всякий раз оказывался рядом, словно только ее и ждал, и почтительно кланялся, приложив руку ко лбу. И всякий раз она так терялась, что даже не замечала завистливые взгляды прочих сестер.

Раздумываясь от смущения, она спешила под защиту монастырских стен и молилась до изнеможения, преклонив колена на каменные плиты. К вечеру ее сердце начинало биться чуть спокойнее. Но, едва проснувшись, она думала лишь о том, придет ли снова этот рыцарь, который здоро-

вается с ней так почтительно, словно она высокородная княжна, а не дочь мелкого дворянина из Солошницы.

Однажды ей передали приказ явиться к матери-настоятельнице.

Матильда пришла, потупив голову, с неясным чувством вины в душе, вины за греховное чувство, которое она никак не могла изгнать из своего сердца.

— В последнее время, сестра Матильда, душа твоя томится, не так ли?

Взгляд настоятельницы пронзителен как нож.

— Да, достойная мать.

Бархатные глаза Матильды виновато уставились на каменные плитки пола.

— Моли божью мать и нашу покровительницу, святую Клару, чтобы они вернули тебе душевный покой. Через неделю тебе предстоит святой обряд пострижения.

— Да, достойная мать, — прошептала Матильда.

— Здесь душа твоя подвержена великому искушению. Поэтому после пострижения мы переведем тебя в другой монастырь нашего ордена.

Голос Марии Эмеренции звучит неумолимо.

— Да, достойная мать.

Губы сестры Матильды шевелятся почти беззвучно, в глазах стоят слезы.

— За эти слезы, которые выдают твое сожаление о мирских соблазнах, налагаю на тебя строгий трехдневный пост! — вскипает настоятельница. — Запрещаю тебе покидать монастырские стены! Удались в свою келью!

Наконец строители начали убирать леса с церкви, и башня постепенно открывалась взглядам, как золотой початок кукурузы, с которого лист за листом снимают обертку. А когда была снята последняя доска опалубки, люди затаили дыхание. На косых опорных колоннах стояла башня: прекрасная, пятигранная, воздушная, с узким стройным корпусом, украшенная изящными статуями под каменным балдахином, хрупкими фиалами¹⁾ и водостоками в виде звериных

¹⁾ Фиал — (в готической архитектуре) украшение в виде пирамиды, шпилья и т. д.

голов. Сказочно возносилась она над низкими крышами домов, а трепетно дрожащий воздух и ясное голубое небо подчеркивали благородство ее силуэта.

И было ясно как день, что башня не просто прекрасна — что она неповторима в своей красоте.

В тот же день рыцарь Кристиан попросил настоятельницу принять его.

— Прими мой почтительный привет, достойнейшая мать-настоятельница, — склонился он перед ней в поклоне.

— Молю простить мое нетерпение, но мне хотелось услышать от тебя, справился ли я со своей задачей, получу ли обещанную награду.

Марио Эмеренцию раздражала его настойчивость. Поджав губы, чтобы сдержать недобрую усмешку, она произнесла:

— Благодарю тебя, благородный и щедрый рыцарь Кристиан. Башня, которую возвел ты над нашим храмом, поистине великолепна, она достойно послужит ко славе всемогущего господина и нашего города на Дунае. Поистине ты заслуживаешь обещанной награды — но что поделаешь? Сестра наша Матильда не хочет расстаться с благостной тишиной монашеской жизни, не хочет возвращаться в мирскую суету...

— Но ведь... — прервал ее Кристиан, — когда я приветствовал ее перед храмом, она всякий раз отвечала мне улыбкой, и глаза ее подавали мне надежду. Правда, в последнее время я не встречал ее, и все же... Прошу тебя, достойная мать, позволь мне повидаться с сестрой Матильдой...

— Две недели тому сестра Матильда приняла пострижение.

— Не может быть! — вскричал Кристиан. — Не ты ли обещала мне...?

— Не забывайся, рыцарь! — нахмурилась настоятельница. — Я обещала тебе переговорить с сестрой Матильдой — клянусь, я это сделала.

— Достойнейшая мать-настоятельница, — Кристиан молитвенно сложил руки. — Будь милостива, вели позвать сестру Матильду, чтобы я услышал свой приговор из собственных ее уст.

— В нашем монастыре нет больше сестры Матильды. При пострижении она приняла другое имя.

— Но какое? Как ее теперь зовут? — Кристиан чувствовал, что теряет последний след. — Ради бога, скажи мне!

Настоятельница презрительно поджала губы:

— Не подобает рыцарю столь недостойным образом домогаться любви, которая не была ему суждена. Не забывай, что Матильде с самого рождения был предназначен иной жених — Иисус Христос. Он — судьба ее. Ему пожертвовала она свое прежнее имя, ради него нашла себе теперь иное пристанище. Нет ее больше в нашем монастыре!

Рыцарь Кристиан стоял блее известковой стены.

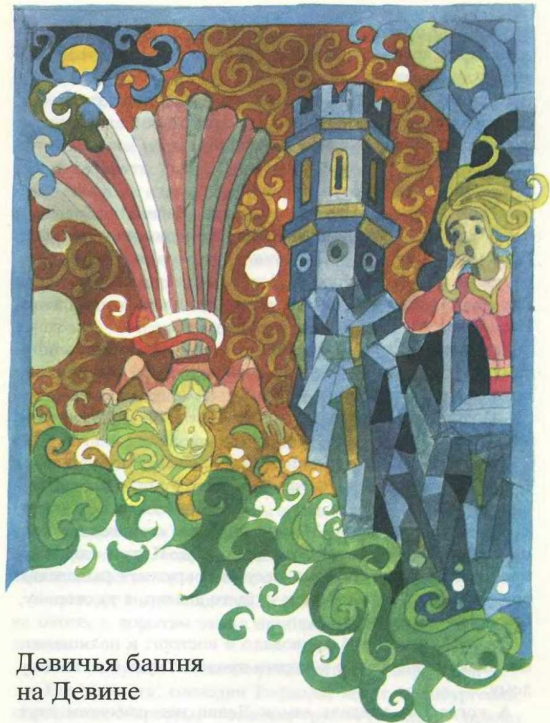
— Обманула ты меня, мать-настоятельница, — с горечью сказал он. — С самой первой минуты ты меня обманывала — и это не служит тебе к чести.

Он повернулся и пошел прочь.

Не один золотой дукат достал он потом из своего кошелька, чтобы разговорить сестру-привратницу, но так ничего и не выпытал. Видно, та не знала, куда девали Матильду.

Отчаявшись, Кристиан пустился странствовать по свету. Среди рыцарских боев и турниров забылась со временем сердечная боль. Нашел ли он иное счастье, или рано сложил где-то свою голову — об этом предание молчит.

А башня церкви кларисок по сей день радуется глаз своей неповторимой красотой.

Девичья башня на Девине

Вельможа, который умыкнет деву против воли ее родителей, должен вернуть ее, а за умыкание пусть отдаст десять молодых волов. Неумыцый похититель да будет продан на рынке в рабство.
(Законник святого Штефана)

ОТПРАВИЛСЯ рыцарь Микулаш, владелец Девинского замка, свататься в далекую Каринтию, что на реке Драве. Однажды побывал он там на охоте, увидел панну Маргету – и с тех пор только о ней и думал. Путиами, которые ведомы одним лишь влюбленным, рыцарь Микулаш узнал,

что и он ей приглянулся. И вот теперь он скачет со своей дружиной в доброй надежде, что скоро введет в замок Девин молодую красавицу-хозяйку.

Ехал он гористыми краями, где леса чередуются то с привольными лугами, то с коварными топями, и добрался наконец до владений семьи панны Маргеты.

Каково же было его удивление, когда отец Маргеты вежливо, но твердо отказал ему:

— Твоя просьба, славный владелец Девина — большая честь для меня, сожалею, что не могу удовлетворить ее. Дочь моя Маргета, чьей руки ты просишь, давно уже обручена с господом богом¹⁾. Вскоре она уйдет в монастырь. Так решил семейный совет во главе с моим братом, аббатом Изенбургским.

Разочарованный вышел рыцарь из негостеприимного замка. И тут, когда он уже на коня садился, незнакомый оруженосец шепнул ему:

— Подожди до завтрашнего утра в пихтовом лесу над излучиной реки.

Ускакала дружина рыцаря Микулаша, скрылась с глаз. Но за холмом всадники спешили и устроили привал в лесу над рекой.

На другой день панна Маргета выехала со своим верным оруженосцем на привычную прогулку. И тут, едва они приблизились к пихтовому лесу, их окружила рыцарская дружина и помчала галопом куда-то далеко, в ту сторону, откуда восходит солнце.

Панну Маргету всё приводило в восторг: и похищение, и незнакомые края, по которым пролегал путь к ее новому дому.

А когда она увидела замок Девин над слиянием двух сверкающих рек, у нее невольно вырвался крик восхищения. Высокий замок на скалистом мысу, обнесенный мощными стенами, отражался в дунайских водах, как в зеркале.

В ту же минуту загревели крепостные пушки, зазвонили колокола, затрубили охотничьи рога, с радостными возгласами высыпали из ворот замка слуги.

¹⁾ То есть должна по обету (добровольному или вынужденному) постричься в монахини.

– Замок Девин приветствует свою будущую госпожу,
– объяснил рыцарь.

– Какой прекрасный у тебя замок, рыцарь Микулаш!
– воскликнула Маргета. – Прекрасный и, кажется мне, неприступный.

– Большую радость ты доставила мне своими словами, панна Маргета. Замок и в самом деле неприступен. Единственный вход в него без труда защитит даже малый отряд. Здесь нашей любви ничто не может угрожать.

Маргета обнимает взглядом это орлиное гнездо.

– А знаешь, что мне больше всего нравится? Вон та башня над рекой, отдаленная от замка, как большой палец, отдаленный от своих меньших братьев. Большой палец, стоящий на страже, – весело рассмеялась она.

– Ты права, это дунайская сторожевая башня. С нее видно далеко вверх и вниз по Дунаю, – объяснил ей Микулаш.

Славно проходило время в Девинском замке. Один пир за другим, одна охота за другой. Как мухи на мед слетались сюда игрецы и скоморохи, бродячие певцы, рожечники, волынщики, трубачи и барабанщики, жонглеры, мимы, фокусники. Они и спеть могли о славных богатырских подвигах, и колесом пройтись, и на канате сплясать, и показать всякие штуки с ручными зверями. Всех этих искусников здесь привечали, ведь готовилась веселая свадьба, и хозяева заранее заботились о том, чтобы гости не скучали.

Однажды, когда владелец Девина со своей дружиной был на охоте, к воротам замка приблизился небольшой отряд воинов.

– Кто вы будете? – окликнула их стража с барбакана¹⁾.

– Его милость, господин Рафаэль, аббат Изенбургский, дядя панны Маргеты, – отвечал трубач-герольд, – привез невесте свадебные подарки.

И он показал рукой на двух навьюченных коней.

Стража даже не удивилась, что аббат одет как воин. В те беспокойные времена это было дело обычное.

Подъемный мост опустился.

Едва воины вошли в замок, они бросились на стражу

¹⁾ Барбакан – (навесная) башня, обороняющая подъемный мост.

и связали ее. Изенбургский аббат разыскал в покоях замка непослушную племянницу, выволок ее во двор. Как она ни кричала, ни отбивалась, он посадил ее к себе на коня и поспешил прочь со своим отрядом.

Так, улучив подходящий момент, он выполнил наказ семейного совета: вернуть богу то, что было некогда завещано ему.

Спешит, торопится вооруженный отряд, унося невесту от жениха.

Вернувшись с охоты, рыцарь Микулаш услышал рассказ о происшедшем. Ярость охватила рыцаря и словно утроила его силы.

Он поскакал с дружиной по следам похитителей, у них три скачка — у него один. Может ли монах сравняться с ним, опытным охотником, знающим эти края, как свои пять пальцев?

Он настиг их среди топей у реки Литавы. Бой был короткий и беспощадный. Уже занесен меч над головой воинственного аббата, сейчас голова его слетит с плеч. Но Маргета удержала руку жениха:

— Не проливай его кровь, рыцарь Микулаш, иначе горьким будет наше счастье.

С превеликой неохотой Микулаш опустил свой меч.

— Благодарю племянницу, монах, что остался в живых!

— мрачно сказал он, сажая Маркету на своего коня.

Аббат Рафаэль предостерегающе поднял руку:

— Ты преступаешь все права, рыцарь. Разве ты не знаешь, что гласит закон?

— Я этот закон знаю. Но закон ничего не знает о том, что и у любви есть свои права! — воскликнул Микулаш

— А штраф я заплачу с охотой. За панну Маркету я пришлю не десять, а десятую часть молодых волов. Так и передай своему семейному совету, монах!

Гордо рассмеявшись, он отправился с дружиной в Девин.

Близился день свадьбы. Съезжались первые гости, из подвалов выкатывались первые бочонки вина, пива, медовой браги.

Взошла заря свадебного дня. Залились звоном колокола,

торжественно загремели фанфары. В часовне Девинского замка стоят перед алтарем рыцарь Микулаш и панна Маргета. Славная пара. Великолепный свадебный наряд еще больше подчеркивает красоту счастливых молодоженов.

В это самое время мчатся по дороге на Девин две кареты с позолоченными гербами. Четыре пары белоснежных коней в роскошной упряжи, увенчанной лентами. Перед каретами и за ними — отряд воинов на лихих скакунах. С первого взгляда видно — гости едут на свадьбу.

Звонкий рог приветствует их со стен. Стража на барбакане уже явно навеселе.

— Кто к нам пожаловал? — спрашивают стражники для порядка.

— Свадебные гости, их высочества граф Ладислав и графиня Анастазия из замка Красный камень! — отвечает трубач. — Поломка задержала их в пути.

Опускается подъемный мост, гремят по настилу копыта... „Ого, сколько народу! — удивляется дозорный. — Не слишком ли много их понаехало?“

И не успел он додумать, как тут же зашатался и со стрелой в груди полетел головой вниз со своего возвышения.

А незваных гостей все прибывает. Кто бы мог подумать, что в двух каретах спрячется столько воинов?

Капеллан в часовне замка только что окончил венчальный обряд. Новобрачные поднимаются с колен, на их лицах еще сияет отблеск торжественной минуты... Нет, это не возгласы „слава!“, не ликующий колокольный звон — это бьют в набат! Это воинский клич и лязганье оружия! Это трещат взламываемые двери...

Аббат со своим отрядом прокладывает себе дорогу к часовне.

Рыцарь Микулаш и горсточка свадебных гостей, не потерявших голову от растерянности, стали в углу часовни с обнаженными мечами.

— Опомнитесь, богохульники! — пронзительным голосом кричит капеллан. — Как смеее вы нарушать мир в эту торжественную минуту? В этом священном месте!

Но его вопль тонет в лязге оружия.

Рыцарь Микулаш, держа одной рукой Маргету, другой — меч, протиснулся в угол часовни, торопливо повернул верхушку одного из каменных украшений.

— Маргета, любимая, — шепчет рыцарь, — беги этим коридором, я задержу их здесь.

Спешит Маргета по темному коридору, волоча свадебный шлейф по сырým каменным ступеням, ощупывая руками бугристые стены. Звуки сражения остались где-то далеко позади. Наконец Маргета ощупью добралась до какой-то двери, с трудом отворила ее. Тяжелая дубовая дверь.

Маргету встретил дневной свет. Она шагнула вперед и оказалась на башенной галерее, окруженной зубчатой стеной. Внизу с гулом катятся мутные волны, река отсюда видна, как на ладони. И тогда Маргета узнаёт, где она находится! Это та самая башня над Дунаем, стоящая поодаль от замка. Большой сторожевой палец...

Вдруг слышится лязг оружия, звук боя. Он все ближе, ближе, узкий каменный коридор отзывается многократно повторенным гулом.

Последний защитник, рыцарь Микулаш, пятась, отбиваясь, вступает в башню, захлопывает тяжелую дверь, задвигает железный засов.

— Не бойся, дорогая, эта дверь нас спасет, — успокаивает он перепуганную Маргету.

И действительно, дверь стойко выдерживает удары палиц и секир.

Голос аббата приказывает:

— Разведите под дверью огонь!

Тогда закричала Маргета:

— Дядюшка, дядя Рафаэль! Ты меня слышишь, дядюшка? — всё громче кричит она.

— Слышу, строптивая дочь! — отозвался голос из-за двери.

— Сжался надо мной, дядюшка! Разве я не пожалела тебя, совсем недавно, когда над твоей головой навис меч?

Ее сокрушенный голос растрогал даже воинов аббата — но только не его самого.

— Я тебя не обижу, Маргета, но ты пойдешь в монастырь, — произнес неумолимый голос.

— Но я ведь уже обвенчана, дядюшка! Я принадлежу своему мужу!

— Ты принадлежишь Богу, послушница! — злобно вскричал аббат. И деловито добавил: — Разведите костер под дверью!

Долго глодал огонь дубовую дверь, и наконец она обуглилась настолько, что не смогла устоять перед ударами секиры. Дверь затрещала в петлях и впустила в башню рой воинов.

В неравном бою сложил голову рыцарь Микулаш.

Когда Маргета увидела, как течет из его уст красная струйка крови, она произнесла чуть слышно, словно принося присягу:

— Нет мне жизни без тебя, Микулаш, супруг мой! Хочу умереть вместе с тобой!

Тщетно протянулась к ней рука аббата, она успела схватить лишь жемчужный венец невесты.

Мутные волны Дуная погребли Маркету в день ее свадьбы.

Эта история верной любви, переходившая из уст в уста, не будет забыта, пока стоит скалистый мыс, омываемый водами Дуная и Моравы. И пока будут возвышаться на нем развалины Девинского замка вместе с той самой сторожевой башней, которая несет с тех пор имя Девичьей башни.

Смекалка виноградаря

ИЗДАВНА деревня Прача славилась тем, что постав-
ляла в братиславскую дружину лучших пращников,
метателей каменных снарядов. Не один раз именно благода-
ря прачанским пращникам неприятель уходил от стен
Братиславского замка ни с чем, преследуемый каменным
градом.

После жаркого боя утомленные пращники возвращались

в родную Прачу — и первым делом направлялись к колодцу, что стоял посреди деревни. Один этот колодец поил всю деревню, а вода в нем была замечательная... другой такой не найти во всей округе.

И вот что однажды случилось!

Повадилось в Прачу какое-то чудище. То загон с овцами разорит, то унесет из стада молодого бычка или телку. А что хуже всего — каждый раз оно выпивало до дна воду из деревенского колодца. А прачане ждут потом несколько дней, пока он опять наполнится!

Что за чудище? Что за страшилище? Известно было только одно: что следы оно оставляло величиной с добрую квашню.

Созвал командир пращников свою дружину и говорит:

— Земляки, дружинники! На этот раз пришло время защищать не замок нашего господина, а наше кровное добро — и кто знает — может, наши собственные жизни.

Поставили караулы, чтобы вся деревня вместе с околицей была под неусыпным надзором днем и ночью.

Прошло несколько дней.

Однажды утром, еще только-только рассветало, прибегает караульщик Матула:

— Командир, я его видел!

— Кого видел?

— Видел я чудище, командир. Это дракон!

— Рассказывай все как было, по порядку.

— Точно, по порядку! — Матула вытянулся в струнку. — Значит, вскарабкался я на липу, что растет у колодца. Я караулил во вторую стражу после полуночи, когда небо уже стало белеть. Поначалу все было спокойно... а потом словно бы ветер поднялся. Гляжу — летит! Приближается! Крылья как у ветряной мельницы, ветер так и свищет между перьями. А голова змеиная; тут я и понял, что это дракон. Спустился он к колодцу, три раза свой хвост вокруг сруба обернул, голову — в колодец, и давай лакать, хлебать, хлестать, дуть, наливаясь, накачиваться... Удивляюсь, как от этого фырканья никто не проснулся, разве только собаки разбрехались. Потом этот драконище вынул голову из колодца, посопел, отдышался, крылья раскинул и улетел.

Слез я с липы, заглянул в колодец — пусто. Опять он всю воду выхлебал.

— Что ж, теперь мы хотя бы знаем, кто к нам навевается, — говорит командир. — И то ладно.

И вот принимает дружина боевой план: подстеречь дракона у колодца и встретить его камнями и стрелами.

Каждую ночь поджидали его — никто глаз не смыкал.

Однажды в предранней тишине поднялся ветер... Со свистом, с гулом... Крылатое чудище летело к колодцу...

И тут загудела тысяча каменных снарядов, засвистела тысяча стрел каленых — но все они бессильно посыпались на землю, словно отскочили от железного щита. Потому что тело этого страшилища было покрыто толстой, прочной чешуей; ему эта стрельба никакого вреда не причинила, только пощекотала. Зашипел дракон, опалил все вокруг огненным дыханием — и улетел.

Вспыхнули камышовые крыши изб, перед алым жаром побледнел рассвет, деревня ожила в крике и плаче. Задрезжали ведра, бадьи, кувшины и жбаны, тысяча рук и один-единственный колодец начали борьбу с огнем.

Немного удалось спасти от пожара, потому что колодец быстро вычерпали до самого дна, а другой воды поблизости не было.

— Погубит нас проклятый дракон! — убивались люди.

— Голодом уморит, огнем истребит!

Пригорюнившись, стоит дед Матула посреди своего двора. Куча обугленных бревен — вот и всё, что осталось от его избы. „Хорошо, хоть до погреба огонь не добрался, — думает он, — значит, с голоду не помрем. Погреба и давяльни у всех остались... А что если... Как знать?...“

— Кажется, надумал! — сказал он про себя. — Может, в этом наше спасение!

— Что ты надумал, дедушка? — спросил его внук, молодой дружинник. — Так в чем же наше спасение?

— Созывай людей, тогда и потолкуем всем миром.

Собралась во дворе вся деревня.

— Люди добрые, — говорит дед Матула, — вот что мне в голову пришло. Дракон ведь ночью не утолил свою жажду,

помешали ему наши прачники. Наверняка заявится он на другую ночь. Кто к нашей воде приохотился, тот не скоро от нее отвыкнет... Но только колодец наш пуст, не осталось в нем ни капли. Так вот я и подумал... — Дед запнулся, но потом все же договорил: — Что если налить ему в колодец вина?

Наступила неслыханная тишина. И тут же наперебой зазвучали голоса:

— Как? Этому разбойнику?

— Этой бестии проклятой?

— А знаете ли вы, люди добрые, что может статься с любой бестией, ежели она выхлещет, скажем, тридцать ведер вина? — спрашивает в ответ дед Матула.

И опять наступила тишина. Потом кто-то сказал:

— А что, может, и верно?

— Ясное дело!

— Люди, угостим дракона вином!

Доброе вино делали прачане, но почти всё полагалось отдавать владельцу их земли — городу Братиславе. И всё же по две-три четверти вина оставалось у каждого — иначе какие же они виноделы!

Что тут началось в Праче — такого уже никто и никогда не увидит!

Потоком лилось в колодец вино всех сортов: красное и белое, вина сухие, сладкие, крепленые.

И каждый прачанин, выливая вино, добавлял свое „благословение“:

— Чтоб тебе захлебнуться!

— Чтоб у тебя утроба лопнула!

— Чтоб ты навеки позабыл дорогу к нашему колодцу!

В эту ночь все собирались бодрствовать, глаз не сводить с колодца: собираться-то собирались, но после тяжкого дня и бессонной ночи к утру вся деревня спала как убитая.

Проснулись от жуткого рева и крика. И стар, и млад — все, сломя голову, помчались к колодцу.

Там он лежал. Угасшие глаза, как замерзшие лужи. Крылья с редкими перьями раскинуты — тщетно пытался он взлететь с погибельного места.

— Вылакал все вино до последней капли, — радовались люди, заглянув в колодец. — Хлебал-хлебал, пока не нахлебался до смерти!

— Что делать с ним будем? Как нам от него избавиться?

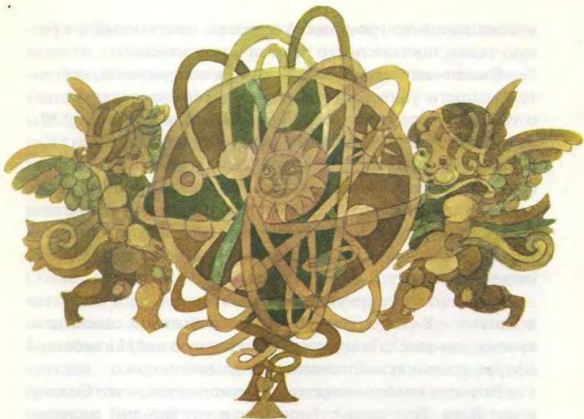
— Лес его породил, — сказал дед Матула, — пусть он его и похоронит.

Запрягли мужики четыре пары волов, сволокли дракона в лес и там сбросили его в пропасть.

Вскоре лес засыпал дракона листвой. А мать-земля со временем приняла его к себе, как принимает все свои творения — и добрые, и худые.

С тех пор стали люди говорить, что Прача сильна своими воинами, а пуще того — своим вином, а всего больше — смекалкой своих виноградарей. Город Братислава, у которого деревня Прача была в подданстве, стал называть ее на немецкий лад: „Вайнерн“, что примерно означает „Виноградари“. Господин приказал — подданный обязан исполнять. Стала деревня называться по-новому. Но все равно словацкое население вскоре переделало это название на свой лад: „Вайноры“.

Так она и называется по сей день.

Железная муха

МНОГО было радости и ликования, когда в июле 1467 года в Братиславе был открыт университет, получивший по тогдашнему обычаю гордое латинское название: „Академия Истрополитана“. Расположилась Академия в двухэтажном здании на Вентурской улице, красивой и уютной, хотя и выходила она прямо на площадь Большого рынка.

На празднование второй годовщины Академии прибыл ее основатель и покровитель – король Матвей Корвин.

После торжественной церемонии почетные гости сели за богатый стол. По правую руку от короля сидел вице-канцлер Академии, соборный каноник Юрай Шомберг. Он старательно занимал высокого гостя остроумной беседой.

В самом разгаре обеда поднялся вдруг профессор Ян Региомонтан, поклонился в сторону короля и трижды хлопнул в ладоши. Распахнулись двери. Четыре студента в черных студенческих одеяниях, подпоясанных веревками,

внесли какой-то громоздкий предмет, закутанный в красную ткань, поставили его на стол и удалились.

— Ваше величество, господин наш и покровитель, основатель нашего университета, — начал Региомонтан, — славу о тебе мы хотели бы распространить по всему свету! Мы благословляем тот миг, ту минуту, когда на главу твою была возложена королевская корона! Но время течет как вода, его нельзя ни остановить, ни поворотить вспять. Посему я со своим ученым другом, магистром Илкусом, попытался построить прибор, позволяющий показать констелляцию, то есть положение небесных тел в момент твоей коронации.

Региомонтан сдернул красную ткань. Все в зале так и ахнули: „Какая красота!“. Прибор был и в самом деле красив: два ангела поддерживали сложную модель небесной сферы, усыпанную золотыми звездами.

— Вот это Земля, — показывал Региомонтан, — это Солнце, а это Луна. Вот здесь стоял Марс в тот момент, господин и властитель наш, когда на тебя возлагали корону венгерских королей. Положение этого светила, носящего имя бога войны, было весьма благоприятным, вот почему перед мечом твоим трепещут все враги. Венера стояла здесь, а здесь — Юпитер. Вращая эту рукоятку, можно восстановить положение звезд в любое иное время. Дозволь же, господин и благодетель наш, подарить тебе этот прибор от имени твоей и нашей „альма-матер“.¹⁾

Глаза короля сияли гордостью и чисто детской радостью. Он взялся за ручку прибора, повернул ее. Снова все ахнули. Двинулся Меркурий, Венера, двинулись Марс и Земля, а вокруг Земли начала вращаться крохотная Луна.

Раздались голоса:

— Да он построил всю Вселенную!

— А эти звезды — они и в самом деле золотые? Как они блестят!

Все были в восторге от этого подарка.

¹⁾ „Альма-матер“ (латынь: „кормящая мать“), старинное название университета (дающего „духовную пищу“).

И только каноник Хризостом с лицом, перекошенным от зависти, громко заявил:

— Весьма сомнительный подарок! Неужто вы не видите? Это же явная ересь!

Над залом нависла тишина.

В глазах короля, смотревшего на каноника, разгорались гневные искры.

— С позволения Вашего величества, это нетрудно будет доказать, — продолжал каноник. — Извольте обратить внимание: в центре этой вселенной оказалась не Земля, а Солнце. Вот я сейчас поверну ручку... пожалуйста! Солнце неподвижно, а Земля вращается вокруг него! Следовательно, профессор Региомонтан тщится опровергнуть сочинение Аристотеля „О небесах“, одобренное святой церковью! Ибо как учит нас Аристотель? „Посредине стоит круглая, совершенно неподвижная Земля, вокруг коей вращаются небесные тела, первопричиной же их движения является Бог.“ Вот она, истина! А господин профессор ставит в центр вселенной Солнце. И подобная ересь, — каноник возмущенно тыкал пальцем в модель, — да-да, подобная ересь возникла на христианской земле, в правоверном университете!

С удивлением смотрел король на вице-канцлера Шомберга, с невыразимым упреком смотрел Шомберг на Региомонтана. Только этого им не хватало: чтобы Академию заподозрили в ереси!

Что мог сказать на это профессор Региомонтан? Ведь он и сам бранил себя в душе. Какая неосторожность! Этот прибор, в котором он воплотил давнишнее свое убеждение, выдает его с головой. Увы, сейчас не время и не место отстаивать свою еретическую точку зрения. И нет у него под рукой необходимых доказательств... А раз их нет, значит...

Он поклонился королю.

— Неисповедимы дела господни, — смиренно начал он, — и вселенная — дело рук божьих — недоступна человеческому пониманию. Неоднократно пытался я расчислить пути небесных тел. Но они столь непостижимы, что мне не

удалось точно отобразить их в своей модели. Изощренному уму его милости, пана каноника, — он поклонился в сторону прелата,¹⁾ — доступны все тайны астрономии и он сразу обнаружил ошибку. Пан каноник прав, прибор не соответствует действительности, это не более чем невинная астрономическая игрушка.

Рассмеявшись, король шутливо погрозил пальцем:

— Эге, пан профессор, да ты у нас озорник! Мастерить игрушки, чтобы позабавить нас! Я думаю, у тебя их еще немало осталось. Признавайся!

Региомонтан понял, что король хочет протянуть ему руку помощи. Он снова поклонился:

— Угадали, Ваше величество, я изготовил еще одну механическую игрушку. Только заранее предупреждаю дорогих гостей: ей так же далеко до действительности, как этой модели вселенной, которую только что изобличил достойный пан каноник.

В наступившей тишине профессор завел маленьким ключиком что-то совсем крохотное, спрятанное в его ладони. Потом он раскрыл ладонь, и тут же с нее слетела железная муха. С металлическим жужжанием она облетела комнату и вернулась на руку профессора.

Раздался дружный облегченный смех.

Снова, но теперь уже на глазах у всех, Региомонтан завел железную муху и заставил ее облететь зал. В этот раз она летела повыше, и профессору даже пришлось подпрыгнуть, чтобы поймать ее.

Король не мог отвести глаз от этой игрушки.

— Дай нам муху, профессор, — сказал он. — Дай нам ее вместе с ключиком! О-о, так это тоже подарок? Благодарим!

Он усадил Региомонтана рядом с собой и принялся разглядывать железную муху. Он заводил ее и отправлял в полет. Потом он наклонился к Региомонтану и зашептал:

— Послушай, друг-профессор! Уж больно эта муха похожа на настоящую. Мы подозреваем, что так же обстоит дело

¹⁾ Прелат — высокопоставленное духовное лицо, церковный сановник.

и с твоей небесной механикой. Спасибо тебе за нее. Мы возьмем ее с собой в наш замок Будин.

Модель солнечной системы, изготовленная Региомontanом, долгое время хранилась в королевском замке Будин. Потом она попала в руки туркам, и след ее затерялся.

Белый орел

БАРОН Золтан из дружины братиславского бургграфа¹⁾ был завзятым охотником. Мало ему было охот, которые граф то и дело устраивал для своей дружины. Барон Золтан в любое время готов был идти в лес на охоту.

¹⁾ Бургграф – королевский наместник в больших городах.

— Пойду-ка я завтра поохочусь у Железного ключа, — сказал он как-то старому сокольничему.

— Завтра, благородный пан? — удивился старик. — Завтра ведь канун Нового года!

— Ну и что? Выходит, ты тоже веришь этим сказкам, будто под Новый год нельзя охотиться?

— Пан, это не сказки. Это как бы закон.

— Не смейся меня, старик. И кто же издал этот твой закон?

— Этого я сказать не могу, благородный пан, но соблюдают его все. В этот день звери празднуют лесной мир, лес одевается в праздничный наряд, и не полагается осквернять его кровью. Мои деды и прадеды занимались охотой, но никогда не нарушали закона о лесном мире.

— Лесной мир! — взорвался барон. — От каждого только и слышу: „Лесной мир! Лесной мир!“ Да кто из вас его видел? Как он выглядит, этот ваш лесной мир?

— Не знаю, видел его кто-нибудь или нет, — спокойно отвечал старик, — но все его чтят. Бывают такие вещи между небом и землей, которые полагается чтить, даже если они и невидимы.

Барон отвернулся и не сказал больше ни слова. Но на лице у него было написано упрямство. Нет, уж ему-то никто помешать не сможет. Что он, слуга или раб чей-нибудь, чтобы подчиняться какому-то закону, да еще и неписаному?

Итак, в последний день старого года, ранним утром, барон отправился в лес с ружьем на плече. Он шел к Железному ключу.

День стоял белый, затянутый молочной мглой, ближний лес словно закутали семью муслиновыми покрывалами. Но когда барон углубился в лес, он невольно поразился: всё вокруг так таинственно сияло, как будто стволы и ветки были налиты светом. Безмятежная сияющая тишина стояла кругом.

Сторожким шагом он дошел до самого родника Железный ключ — так его называют из-за красных камней, которые отражаются в его воде, окрашивая ее в красноватый цвет.

И там он их увидел — лесных зверей. Увидел, как старательно готовятся они к своему празднику. Медведица растапливала печь. Олень месил тесто в большом деревянном корыте, которое тоже так и сияло. Белка щёлкала орехи: ядра клала в одно блестящее ведерко, скорлупки — в другое. Крот с серебряными очками на носу перебирал изюм. Еж мелко-мелко строгал яблоки. Волк золотым пестиком толоч в ступе мак. Дикий кабан взбивал снег, барсук смазывал жиром противень, а там, в глубине леса, еще кто-то чем-то занимался, но этого уже было не разглядеть. Все в лесу усердно готовились печь новогодний пирог. Одна только лиса ничего не делала, а всё шныряла по лесу туда-сюда, распушив воротник, и глазами стреляла.

„Так вот как он выглядит, лесной мир!“ — подумал Золтан, глядя на эту картину как зачарованный.

Вдруг раздался над лесом какой-то шум, шелест. Поднял охотник голову и глазам своим не верит: вот это красота невиданная, неслыханная! Раскинув огромные крылья, плывет над верхушками деревьев орел, перья — как свежевыпавший снег, клюв и когти слепят глаза серебряным блеском.

„Такого трофея ни у кого еще не было! — промелькнуло в голове у барона. — Голова царь-птицы с серебряным клювом!“

Он сорвал с плеча ружье и прицелился.

Первой заметила это лиса. Теперь уже было ясно, что она не шныряла впустую по лесу, а глядела во все глаза, сторожа лесной мир.

Увидев, как охотник сдернул с плеча ружье, она залаяла своим лисьим лаем, похожим на собачий. На лесном языке это, должно быть, означало: „Белый орел, берегись!“

Орел махнул гигантским крылом, глянул зорким глазом и сразу увидел, откуда грозит опасность. Серебряным клювом он выдернул белое перышко и уронил его.

Странно летело это перо — словно тяжелело на лету. Стальной стрелой слетело оно вниз и пронзило охотнику руку в тот самый миг, когда он собирался спустить курок. Вскрикнув, охотник уронил ружье. Кровь хлынула струей из пронзенной ладони и окрасила безупречную лесную белизну.

Тогда лиса снова залаяла своим странным лаем, похожим на собачий, и на лесном языке это означало:

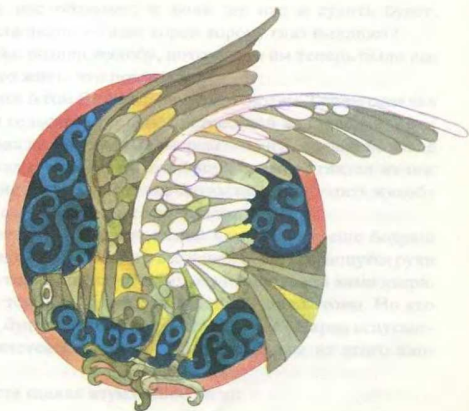
— Какое безобразие! Кровавые пятна на снегу новогоднего леса!

Она схватила охотника за рукав и потянула его к Железному ключу. Родник был покрыт хрупким, как бы кружевным льдом, лишь посредине светилось красноватое отверстие, похожее на зрачок в заячьем глазу.

Охотник плеснул воды на пробитую руку — и диво-дивное! Кровь сразу перестала течь, и рана закрылась.

Тут лиса живо выпроводила его из леса на опушку. Барон до того был ошеломлен всем происшедшим, что ему в голову не пришло оглянуться. А потому он не видел, как приплыло и остановилось над лесом седое облачко, как оно высыпало на поляну несколько охапок снега.

Снежинки прикрыли красные кровяные пятна, засыпали отброшенное ружье и даже следы охотника. Лес опять

засверкал девственной белизной, и звери спокойно допекли наконец свой новогодний пирог.

Барон Золтан никогда и никому словом не обмолвился, где он был в тот день и что испытал — да и чем было хвалиться?

А все же люди прознали об этом, ведь недаром дошло до нас это предание. Может, кто-нибудь видел, как он, вернувшись из леса, недоуменно разглядывает свою правую ладонь. А может, он во сне проговорился. Но скорее всего люди догадались обо всем по шраму у него на руке. Его так и называли с тех пор: „Барон с пробитой рукой“.

Такого трофея не у кого еще не было! — прошепели в тайне у барона — Гильберт стар-младший с подругами хихикал.

Он барон? А почему не он и Гильберт?

Гильберт, ответивший на вопрос, что он барон, был не бароном, а просто мальчишкой, который

всегда был с бароном, и барон всегда был с ним, и они вместе делали все, что хотели, и никто не мог им помешать.

Однажды барон и Гильберт пошли в лес, и барон сказал: „Гильберт, ты слышишь? В лесу полно зверей, и мы их будем ловить!“

Гильберт сказал: „Да, барон, я слышу, но я не хочу!“

Барон сказал: „Почему? Ты же хочешь быть бароном?“

Гильберт сказал: „Да, барон, я хочу, но я не хочу быть бароном, если ты будешь со мной!“

Девинский суд

НА большое дело решились девинские крепостные: подали жалобу на своего господина Яна Кеглевича де Бузин, владельца Девинского замка. И кому подали – самому королю!

– Волк нас обдирает, и волк же нас и судить будет, – говорили люди. – Разве ворон ворону глаз выклюет?

И все же подали жалобу, потому что им теперь было все равно: что жить, что помирать.

Дознался о том Ян Кеглевич, их господин. Тут же повелел привести сельских старшин со старостой во главе.

– Правда ли это, подлые смерды? – пан Кеглевич зловеще постукивал пальцами по столешнице, хмуро глядел из-под набрякших век. – Правда ли, что вы посмели подать жалобу на меня, своего законного господина?

Староста Ян Табанчич, седой как лунь, но еще бодрый и смекалистый, всё видел и все понял: и то, как чешутся руки у пана, и то, как панские гайдуки захлопнули за ними двери. Похоже, темница и колодки давно для них готовы. Но кто же тогда будет свидетельствовать на суде? Народ испугается, попрячется по углам... Как выбраться из этого капкана?

Староста сделал изумленное лицо:

— Ясновельможный пан, чтобы мы — и жаловаться? Кто это вам нашептал такую напраслину? Крестьянские руки привычны к сохе да мотыге, где уж им братья за перо! Говоря по правде, мы бы этого не сумели, да и не осмелились на такое дело.

Лицо Кеглевича скривилось в недоверчивой усмешке.

— Нет, никак не осмелились бы, ясновельможный пан, — качают головой старшины. — Неужто станем рубить сук, на котором сидим?

С грехом пополам убедили, выкарабкались из первого капкана.

А их жалоба тем временем уже попала в королевскую канцелярию.

В 1616 году, во второй понедельник после дня святого Михаила, в Девине начался опрос свидетелей обвинения в присутствии императорского судебного нотариуса и братиславского каноника.

Первым дает показания девинский староста Ян Табанчич. Положив руку на Библию, он клянется говорить правду и только правду.

— Жалоба, которую мы подали, правдива по всем пунктам, — говорит он твердым голосом. — Ясновельможный пан Кеглевич не соблюдает наши стародавние права, разоряет нас все новыми и новыми поборами. К примеру, извоз, иначе говоря — гужевая повинность, — при прежних господах такой повинности у нас не было. Пан Кеглевич назначает новые подати, а старые увеличивает: с виноградников, за ловлю рыбы... В наших домах нищета глядит из каждого угла, беда бедой помыкает. Ясновельможный пан обвиняет нас в разграблении замка в недавнюю войну, и за это требует с нас двадцать тысяч флоринов. Да откуда ж нам взять такие деньги? Много ли пера наберешь с ошипанного гуся? Кроме того, обвинение это — облыжное. Замок разорило вражеское войско. Девинские жители в этом не участвовали.

Императорский судебный нотариус почесывает подбородок. Писарь скрипит пером по бумаге. Каноник сидит сложа руки, смотрит куда-то вдаль, всем своим видом показывая, что он отрешился от этих ничтожных земных забот и страстей.

Потом говорил старшина Матей Колиман. В отсутствие старосты ясновельможный пан выманил у него, у Матея, ключ от общинного сундука и завладел всеми деньгами, которые там были. А своим чиновникам велел описать имущество во всех домах...

Следующий старшина говорил о жестокости ясновельможного пана.

— Ясновельможный пан по любому поводу сажает в темницу. И сейчас там погибают четырнадцать душ. Пятнадцатый, которого выпустили неделю назад, вернулся домой только, чтобы помереть. Сейчас он лежит под образами, дожидаясь погребения...

„Ну, если таких свидетелей наберется побольше, кто знает, удастся ли нам выручить Кеглевича,“ — думает судебный нотариус, почесывая подбородок.

Ясновельможный пан Кеглевич и сам отлично это понимает. Свои люди у него повсюду, в том числе и на суде.

И уже зашныряли его приспешники из дома в дом:

— Вы что, люди, совсем ума лишились? Можно ли хватать такого быка за рога? Слыханное ли это дело? Не вздумайте свидетельствовать против ясновельможного пана, не то наплачетесь кровавыми слезами! Всего нажитого лишитесь... а напоследок и жизни!

Люди опускают головы, вздыхают:

— Так что же нам делать?

— Не являться на суд, это ваше право! Придут вас звать, а вас нет дома, мало ли куда вы пошли...

И общинный стражник жужжит женщинам в уши, как овод:

— Знаете, с чем пошел гайдук пана судьи в кузницу? Пошел раскалять на огне „испанский сапог“ и тиски. Те самые, которыми пальцы дробят... Ух, что-то теперь будет!

Женщины в крик и в слезы! Причитают, руки заламывают.

И тут подала голос Анна, вдова Юрая Хорвата, того самого, что со вчерашнего дня лежит под образами:

— Эх вы, неужто не видите? Они нас пугают, потому что боятся! Да разве может нам быть хуже, чем до сих пор? Или

не знаем мы, что такое побывать в тисках? Не пробовали темницы и колодок? Разве Кеглевич не сажал туда наших мужьев? Не сгноил там моего доброго Юру?

Глаза у Анны Хорватовой лихорадочно горят, на щеках — красные пятна:

— Если проиграем суд, хуже не будет, потому что хуже не бывает. Но мы еще можем выиграть! Слышите, люди добрые? Можем выиграть... если не дадим запугать себя!

— Верно, верно, — кивают мужики. — Страх — плохой помощник, а смелость, как говорится, города берет...

Перед судом предстают все новые и новые свидетели. Старые и молодые, мужчины и женщины.

— Никого на свете у меня не осталось, преславный суд, — говорит женщина с лицом желтым, как нетопленный воск. Это вдова Петра Дудаша. — Сын у меня год как помер, надорвавшись на барщине. Потому что на работу гонят и здоровых, и больных, и женщин, и детей. Сами видите, благородные паны, меня качает от слабости, от хвори, а все ж я должна каждый божий день выгребать навоз из-под господских телят — прощения прошу на грубом слове. Собственный клочок земли никак не могу обработать. Все я сказала по правде, как присягала... а там будь как будет, как бог рассудит. Панские прислужники ходят из дома в дом, грозят бедой каждому, кто вздумает свидетельствовать против господина...

Писарь скрипит пером, а судебный нотариус держится за щеку, словно у него болят зубы.

Опрос длился целых две недели, и за это время королевский суд выслушал 158 свидетелей из самого Девина и 67 — из Девинской Новой Деревни.

Все показывали против барина.

Потом суд уехал, и наступило долгое, бесконечное затишье. Крепостные с ужасом ждали лютого гнева и мести своего пана — но ничего такого не произошло. Ян Кеглевич схоронил злобу на самом дне своего сердца, с виду держался так же, как прежде, даже чуть помягче. Суд сделал ему предостережение.

В сентябре 1617 года король подтвердил жителям Девина

те права и свободы, которыми они обладали при предшественнике Кеглевича.

Итак, бунт девинских крепостных принес плоды.

Но вот что было плохо: их обязали возместить все судебные издержки, а это была сумма немалая. Пришлось беднягам занимать деньги на стороне.

Уж как ясновельможный пан землю рыл, всё вынюхивал, где его подданные собираются деньги занимать, чтобы спутать им карты. Так ничего и не узнал. Единственное, что вывели его шпионы — одолженные деньги пришли откуда-то из Братиславы.

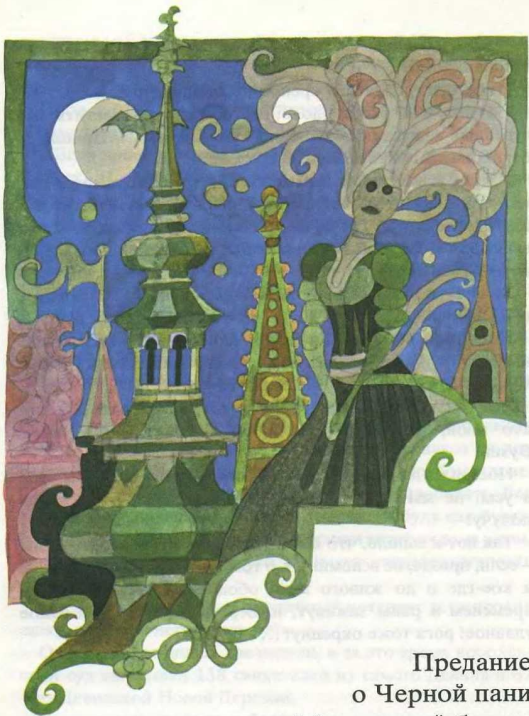
Занять-то заняли, а вот возвращать деньги... Приходит пора выплачивать часть долга, а общинный сундук пуст.

Наконец совет старшин решил: ничего не остается, кроме как сдать в аренду девинскую корчму. Может, тогда удастся хоть на несколько лет избавиться от долга.

Вот только кто возьмется эту корчму арендовать? — А никто иной, как ясновельможный пан Кеглевич, Ян де Бузин.

Посадил в корчме своего человека и посмеивается себе в усы: не мытьем, так катаньем, а я свое с этих хамов получу!

Так вот и вышло, что и волк остался сыт, и бараны целы — если, правда, не вспоминать о том, что их остригли догола, а кое-где и до живого мяса ободрали... Ну что ж, со временем и раны заживут, и шерсть нарастет — а самое главное: рога тоже окрепнут...

Предание о Черной пани на Михальской башне

В СТАРИНУ люди опасались подниматься на Михальскую башню за час до полуночи. Говорили, что в эту пору там появлялась Черная пани. В черном уборе с головы до ног, только бледное лицо просвечивает сквозь черную вуаль.

Неслышно ступая, Черная пани поднимается на круглую верхнюю галерею. Обойдет ее кругом и долго-долго глядит

горящими глазами куда-то в сторону Сухого Мыта, и длинная вуаль извивается вокруг ее головы языками черного огня. Потом повернется, снова сделает круг по галерее, спустится на лестницу и беззвучно бродит по ней вверх-вниз, вверх-вниз, а с двенадцатым ударом часов исчезает без следа.

И горе тому, кто окажется на ее пути! Черным взглядом прикует к месту, легонько ткнет в грудь указательным пальцем — и человек падает с ног, каким бы богатырем он ни был. Если он после этого оправится — его счастье. Но чаще всего ему уже не подняться, и он уже, считай, не жилец на этом свете.

Поэтому башенные сторожа в этот час избегали ходить наверх, а если уж непременно нужно было идти, то брали с собой фонарь, чтобы вовремя увидеть Черную пани и уйти с ее дороги.

Предание говорит, что когда-то давно Черная пани не была черной, и было у нее обычное человеческое имя — Уршула, а когда она жила еще в доме своего отца, пекаря, все звали ее барышней Улинкой. В ту пору она дружила с Агатой, тоже дочерью пекаря. Сколько раз гуляли они под ручку по Седларской улице. И никогда не забывали присоединиться к веселой процессии, переносившей сундук с цеховой казной в дом новоизбранного старосты пекарского цеха. В зените лета они танцевали на Главном рынке вокруг святоянского костра, под песни, среди веселого шума и гама, который далеко разносился по прилегающим улицам. Все говорили, что Уршулу с Агатой водой не разольешь. Они носили одинаковые платья, радовались одинаковым радостям. Даже сны им снились одинаковые: обоим часто снился один и тот же молодой белокурый пекарь. Он, правда, об этом не догадывался, а если б и догадывался, ничего бы от этого не изменилось. Потому что, хотя Уршула и была красивее с виду, и приданое у нее вроде побогаче, но молодой пекарь все-таки попросил Агатиной руки у ее родителей. А те и рады — отдали ему и дочку, и все хозяйство, потому что сына у них не было.

А это означало конец девичьим прогулкам, танцам вокруг святоянского костра — и конец дружбе. Как раньше Уршула

любила Агату — с той же силой она ее теперь возненавидела. Вскоре и сама она вышла замуж, но и это не помогло. Зависть и ненависть терзали ей душу как ядовитые змеи, всю ее пропитали ядом.

— Что мне делать, матушка? — доверилась Уршула матери.
— Как мне избавиться от этой лютой муки?

— Молись богу, дочь моя.

Пробовала Уршула молиться. Долгие часы смиренно простаивала на коленях в церкви кларисок, раздавленная великолепием стрельчатых сводов. Но стоило ей увидеть на улице Агату, счастливую, веселую, да еще со вторым ребенком на руках, как зависть обжигала ее тело и душу то огнем, то холодом. Ни есть, ни спать не может Уршула, тает на глазах.

— Матушка, помогите мне! — просит она. — Сколько я ни молюсь, не легчает мне, не могу укротить змею в своем сердце.

Мать и сама видит, как мается дочка, как сжигает ее изнутри злой огонь.

— Чем же я тебе помогу, дитя мое? Кто его знает? Не помогает ли этой злодейке сам дьявол, не с его ли помощью наслала она порчу на тебя?

Из неосторожного слова, как из драконьего семени, проросло страшное дело.

Взяла Уршула перо и написала донос в городской суд: мол, так и так, пекарша Агата вступила в сговор с нечистой силой, сожительствоует с дьяволом и сживает со свету добрых людей...

В те времена в Европе процветала охота на ведьм, немало городов приобрело мрачную славу своими процессами, исход которых всегда был один: „колдунью“ ждала смерть на костре.

„Неужто и до нас докатилось это поветрие? — подумал судья, получив этот донос. — Ну что ж, по крайней мере никто не посмеет сказать, что мы отстаем от жизни.“

Стражники отвели Агату в тюрьму, палач подверг ее страшным пыткам и она, не выдержав мучений, всё признала: будто в самом деле ее любовником был черт (хотя в действительности она была самой верной женой на свете),

будто она с его помощью наслала тяжкую хворь на некую женщину, а еще она дважды накликала на виноградники бурю с градом...

Суд приговорил Агату к смерти на костре.

И вот она идет в свой последний путь. Палач в красном капюшоне ведет ее на казнь по узкому проходу Михальской башни, по подъемному мосту. А наверху, на круглой галерее, стоит Уршула — золотой дукат отдала она башенному сторожу за это место. Глядит горящими глазами и наглядеться не может.

Звизло пламя, затрещал хворост в костре, нестерпимым огнем загорелась ненависть в душе Уршулы. Вспыхнула ненависть, копившаяся годами, огненные языки вознеслись выше головы, ядовитый змей извивается в смертельных судорогах... Наконец-то он перестает жалить сердце, наконец-то падает прямо в огонь и исчезает в нем.

Догорел костер на площади, отрыдался погребальный звон, разбрелись люди, пришедшие поглазеть на казнь. Подручные палача стребают пепел в бочку; они отвезут ее в чистое поле и там развеют пепел на все стороны света, чтобы ведьма не смогла вредить людям после смерти.

Только Уршула все еще стоит на башне, никак не может насытиться блаженным покоем, воцарившимся в ее душе...

Через несколько дней заглянула к ней мать. Застала дочь бледную, прозрачную, с палящим жаром в глазах.

— Ну как, дочь моя, полегчало тебе?

— Полегчало, матушка, — говорит Уршула, пряча глаза.

— Что ж ты тогда не выглядишь лучше, веселее?

— Матушка, внутри у меня страшная пустота. Как будто я вся выгорела изнутри, одна только оболочка осталась. Видно, теперь, когда нет Агаты, и мне жить больше незачем...

Скончалась Уршула прежде, чем виноград созрел. Похоронили ее, как полагается, на кладбище, каменный крест в головах поставили. Но душа ее не нашла покоя.

Сторожа Михальской башни божились, что Уршула является на башне за час до полуночи, вся в черном с головы до пят, только бледное лицо просвечивает сквозь вуаль.

Неслышно всходит на верхнюю галерею, обойдет ее кругом и долго-долго глядит куда-то в сторону Сухого Мыта... Потом повернется, спустится на лестницу и неслышно бродит вверх-вниз, вверх-вниз, а с двенадцатым ударом часов исчезает без следа. Увидеть ее – уже дурной знак. А оказаться на ее пути – и вовсе беда: злым взглядом прикует тебя к полу, легонько ткнет указательным пальцем – и одним этим тычком валит тебя с ног. Если оправишься после этого – твое счастье. Но чаще всего такой человек уже не жилец на свете.

Топортян

НА берегу Дуная, недалеко от подножия холма, на котором стоит Братиславский замок, проживал охотничий род, издавна снабжавший птицей кухню владельцев замка. И фамилия в этом роду была странная: Нестарец.

„Почему нас так прозвали? — размышлял Мартин. — Разве старость обходит наш род стороной? Как бы не так! Вон прабабушка Катарена — какая она седая и морщинистая! Уж ее-то старость не обошла.“

— Бабушка, откуда у нас эта фамилия? — спросил он ее.

— Тут вот какое дело, правнучок мой, — охотно начала старушка, но тут же осеклась: — Ой, нет, рано тебе об этом рассказывать!

— Да расскажите, ведь я уже не маленький!

— А сколько ж тебе?

— Уже двенадцать минуло. — Мартин стал перед ней и приподнялся на цыпочках. — Видите, скоро я вас перерасту.

— Ну ладно, тогда расскажу, ведь рано или поздно ты об этом узнаешь — сказала старушка. — Старость метит своей печатью всех без разбору. Но только не доживают наши мужчины до нее, уходят от нас в лучшие свои годы. Сколько я себя помню, всегда так было: и с моим свекром, то есть твоим прапрадедом, и с мужем, и с моим сыном, и с моим внуком — твоим отцом. Вот откуда пошла наша фамилия: Нестарец.

— А что же с ними случалось такое, бабушка? Болезнь какая-нибудь?

— Нет, Мартинко, все были здоровые, крепкие — и стрелки, каких поискать. Сколько куропаток, бекасов, фазанов, диких уток настреляли они за свой недолгий век! — Если бы сложить всю их добычу, вышла бы гора повыше этого холма. Но все наши мужчины были какие-то одержимые. Все только и говорили, что о золотом фазане, который, мол, вьет гнезда на Черном острове... И в конце концов наступал день, когда они не возвращались с охоты...

— Они ездили охотиться на Черный остров? — прервал ее Мартин. — Но ведь там живет Топортян!

О Топортяне знали все. Правда, никто из тех, кто его видел, не оставался в живых. И все же было известно, что это чудовище с волчьей головой и железным туловом-бревном, которое не берет никакая стрела. Топортяну стоит лишь разинуть пасть и...

— Наверно, так оно и было, — кивнула старуха, — потому что всякий раз рыбаки находили порожнюю лодку в заливе у Черного острова. Но с тобой и с твоими братьями этого уже не случится, — поспешно добавила она, — потому что пан-граф строго-настрого запретил даже приближаться к Черному острову; слишком много людей, говорит, расстались там с жизнью.

Задумчивый возвращался Мартин от прабабушки Катарены.

На берегу Дуная оба старших брата, статные и сильные парни, смолили днище лодки, которая походила на большую

рыбу, лежащую сверху брюхом. Дунайская вода то и дело подкатывалась к их ногам, что-то говорила на своем плещущем речном языке и возвращалась назад, разглаживая по пути береговой песок.

— А вы знаете, что к Черному острову теперь даже приближаться нельзя? — сказал Мартин. — Пан граф запретил.

— А нам граф не указ, — выпрямился старший брат. — Мы должны просчитаться с Топортыном — за нашего отца, деда и прадеда. Когда подрастешь, тогда и поймешь...

— Я уже понял, — гордо произнес Мартин. — А как вы с ним собираетесь посчитаться?

Средний брат внимательно глянул на мальчика: невелик ростом, но глаза смышленные, понимающие.

— Смотри, — говорит, — раз этому чудищу невозможно пробить сердце, тогда нужно вот так — в глаз!

Юноша поднял с земли камень, прицелился... Воробей на вербе и шелохнуться не успел.

— Ого! — восхитился Мартин. — И когда же вы на него собираетесь?

— Всему свое время. Нам еще нужно поупражняться в стрельбе.

— Смотри, никому ни слова! — строго сказал старший брат.

Мартин дал клятву молчать. Он гордился, что ему доверили мужскую тайну. Но каждый раз, когда братья уходили на охоту, у него сердце сжималось от страха и успокаивалось только тогда, когда они благополучно возвращались.

Ох, когда же он наконец вырастет, станет сильным? Куда спокойнее ходить на охоту с братьями, чем дожидаться их дома. Втроем легче было бы справиться с Топортыном.

А потом случилось то, чего он все время опасался в глубине души. Однажды братья не вернулись с охоты. Не вернулись ни на второй, ни на третий день.

Через неделю рыбаки пригнали пустую лодку, найденную в заливе у Черного острова.

Заплакали-зарыдали женщины из рода Нестарцев, повязали черные платки. А в церкви священник отслужил мессу за упокой души пропавших без вести.

Мартину тогда уже четырнадцатый год пошел. Невысокий, коренастый, рано повзрослевший паренек.

Снова пришел он к бабушке Катарене:

— Посоветуйте, что мне делать, бабушка.

Он сел у нее в ногах и прислонился головой к ее коленям. Так они и замерли, прижавшись друг к другу, самая старая и самый младший в роду, связанные единым чувством горя и бессильного гнева.

— Я должен одолеть Топортяна, бабушка... Сами видите, что должен... Но как?

Катарена положила ему на плечо свою сухую, легкую руку.

— Тебе нужно войти в года, силы набраться. А сила тебе нужна огромная, небывалая, потому что... Ну ладно, слушай: моего мужа, твоего прадедушку, тоже звали Мартином, как и тебя. И у него тоже одно было на уме: как одолеть Топортяна. Они с соседом, кузнецом Функом, долго ломали себе над этим голову. Функ говорил: „Все дело в самостреле. Тут нужен такой самострел, чтобы стрела из него молнией летела, иначе не пробить ей железное тело этого вурдалака.“ Вот стали они с этим самострелом возиться: что-то там чертили, измеряли, взвешивали. Работали как одержимые.

Смастерить-то они его смастерили, но вот беда! Самострел у них вышел такой тяжелый, что четыре мужика еле-еле приволокли его на наш двор. Так никто из него и не выстрелил.

— А где он теперь, этот самострел? — Мартин вскочил на ноги.

— Должно быть, в дровяном сарае валяется, опилками засыпан... Откопать его нелегко будет, ведь сколько лет прошло...

Перерыл Мартин весь дровяной сарай — и нашел-таки! Самострел для великана! Пришлось Мартину запрячь пару волов, чтобы выдернуть его из земли. И он понял: маловато у него силенок.

Он стал носить воду не в ведрах, а в бочках. И чем дальше, тем больше были эти бочки. Обернувши себя цепями, он валил деревья и раскалывал пни. И, не снимая с себя цепей, прыгал в Дунай, переплывал его туда и обратно.

— Совсем спятил парень! — вздыхали одни.

— Нет, это он силу наращивает, — говорили другие. — Видали, какой камень он бросает вверх? С бочонок величиной! И пока он упадет на землю, Мартин успевает два раза двор обежать.

— Да, силы ему не занимать! — говорили третьи. — Во всей столице не найти другого такого богатыря!

К восемнадцати годам Мартин играючи подымал прадедовский самострел и даже удерживал его в одной руке.

Через год Мартин уже стрелял из него, стальной стрелой запросто мог срезать крону старого дерева на другом берегу Дуная.

— Видала, бабушка?

Старуха Катарена вглядывается своими дальнозоркими глазами:

— Пришло твое время, Мартинко.

— Пришло, бабушка.

— Силы у тебя хоть отбавляй, глаз как у ястреба. И еще вот что: перед тем, как пойти на Черный остров, ты должен три дня провести в молчании. Это для того, чтобы ты всё чуял еще раньше, чем увидишь.

— Хорошо, бабушка.

Взял Мартин самострел и ушел работать на дальнее поле и три дня ни слова не произносил, только в душе сам с собой разговаривал. На четвертый день, задолго до восхода солнца, он сел в лодку и потихоньку поплыл вниз по течению. Дунайская вода еще спала, лишь изредка что-то лопотала во сне. Лодка осторожно скользила по черному ее зеркалу. С пробуждением дня Мартин уже добрался до тихого залива и вышел на берег.

Спокойный лежал перед ним Черный остров. Сквозь ошестинившуюся стену камыша проглядывали желтые кувшинки.

„Так вот ты какой, злополучный остров!“ — подумал юноша.

Он двинулся вперед — болото под ногами задрожало, зачавкало, зачмокало, зловеще зашептало, сердитый камыш зашуршал, зашипел. Прямо из-под ног взлетали стаи непуганых птиц...

Мартин идет вперед и с каждым шагом все глубже увязает в трясине. „Видно, слишком тяжел мой самострел,“ — промелькнуло у него в голове.

Но вот показалась перед ним впадина, похожая на огромную чашу. На дне чаши сверкают лужи, торчат корни вывороченных деревьев, словно когти утонувшего чудовища. Померещилось ему, или в самом деле лужи заплескались и среди бурелома приподнялся огромный вывороченный пень? Черный, как дерево, сожженное молнией! Встал на кривые лапы и зачвахтал по болоту, разинув чудовищную волюю пасть, поджав уши, острые как осока.

Топортян!

Хочет Мартин шагнуть вперед, — и не может вытащить ногу из трясины. Сдернул он с плеча самострел — и от этого движения погрузился в черную грязь по пояс. Натянул тетиву, прицелился...

Со звоном полетела стрела, распарывая воздух, и попала вурдалаку прямо в черную грудь. Пронзила его железное сердце и полетела дальше. Просвистела среди вспугнутых птиц, и много их попадало на землю, пронзенных этой стрелой. И наконец с гулом исчезла в камышах на дальнем конце острова.

А вурдалак лежит, вытянув ноги. Огромное железное туловище все глубже погружается в болото. Вот уже видны лишь вытянутые волчьи лапищи с кривыми когтями. Вот уже и они скрылись, трясина, причмокнув, сомкнулась над ними.

В ту же минуту почудилось Мартину, что болото выталкивает его, что оно застывает у него под ногами.

Он посмотрел себе под ноги — в самом деле, он стоит на твердой земле, а перед ним пролегла прямая, как стрела, дорожка. Мартин перевел дыхание и смело зашагал вперед.

По дороге он подобрал семьдесят семь птиц, сбитых его стрелой. И были среди них дрофы и красные цапли, бакланы и морские орлы, и даже попались два золотых фазана: с великолепными длинными хвостами, с золотыми воротниками и с золотыми хохолками на голове! Не удивительно, что эта птица не давала покоя охотникам!

Полную лодку птицы привез Мартин графу, владельцу Братиславского замка.

Нахмурился было граф, услышав, что Мартин преступил запрет охотиться на Черном острове. Но когда Мартин сказал ему, что убил Топортыяна, да еще вручил ему двух фазанов с их великолепными золотыми уборами, лицо графа просветлело. Значит, теперь еще больше расширятся его охотничьи угодья! И зал его охотничьих трофеев пополнится невиданными птицами — всем на зависть!

Взвесив всё это, граф милостиво простил Мартина и даже похлопал его по плечу.

С тех пор на Черном острове можно было охотиться без риска для жизни. Он стал лучшим местом для охоты в окрестностях Братиславы.

А Мартин Нестарец первым из мужчин своего рода дожил до глубокой старости. И по сей день в Братиславе можно встретить людей, носящих эту фамилию.

Последнее ведро

МОГУЧИЕ своды подземелья защищают колодец Братиславского замка от жары, от ветра, дождя и от дневного света. Узкий ход к нему днем и ночью освещен факелами, стены дышат пронзительным холодом даже

в самый разгар лета. Каменные ступеньки и сумрачный коридор ведут глубоко вниз, в круглую камеру подземелья, под сводами которой находится колодец. Своего ключа в нем нет, в колодце скапливаются лишь боковые глубинные воды. Поэтому он не богат водой, и чтобы зачерпнуть ее, приходится опускать ведро на страшную глубину. Но этому колодцу нет цены, потому что он в замке единственный.

Каждый день слугитель Янко трудился до седьмого пота, чтобы в замке было в досталь воды. Он вытягивал из колодца одно ведро за другим, ему было жарко среди холодных стен подземелья, он раздевался до рубашки и то и дело утирал рукавом пот. Работа у него была адская, скорее для скотины, чем для человека.

А однажды выпал такой день, что к вечеру Янко совсем с ног валился. В замок нагрянули знатные гости с многочисленной свитой, поэтому воды потребовалось намного больше, чем в обычные дни.

„Ну, это ведро будет последним,“ — думал Янко, из последних сил вращая колодезное колесо. Он вытянул ведро, поставил его на бортик колодца и перевел дыхание.

Вдруг он услышал чей-то голос:

— Дай мне напиться, добрый молодец!

Оглянулся Янко: кто это здесь? — Никого не видеть. Пусто, безлюдно в подземелье.

— Дай мне напиться, добрый молодец! — снова раздалось где-то у самых его ног.

Глянул Янко себе под ноги — ну и ну! Стоит перед ним старичок, но какой! В пядь ростом, зато борода в локоть длиной, белая-белая, словно мукой присыпанная.

„Смотри-ка, дедушка Длиннобород!“ — с улыбкой подумал Янко. Он нагнулся, поставил старичка на ладонь и поднес к ведру:

— Пей, дедушка, на здоровье, сколько твоей душе угодно, — говорит Янко, а сам думает: „Много ли ты выпьешь — ну, от силы два-три глотка.“

Но дедушка Длиннобород здоров был пить. Вода из ведра убывала на глазах и наконец исчезла до последней капли.

— Вот это жажда! — подивился Янко.

— Еще бы! — и Длиннобород утер свои белые усы. — Вот уже третью неделю блуждаю по этим каменным подземельям — и хоть бы капелька воды попалась. Ну, спасибо тебе, добрый молодец, напоил ты меня на славу. И не жалея, что придется тебе вытягивать лишнее ведро.

— На здоровье, дедушка Длиннобород, — отвечает Янко. — А лишнее ведро я уж как-нибудь вытяну, не беспокойся!

— Ну-ну, — сказал старичок, прыгнул с ладони Янко (только длинная борода мелькнула, словно хвост дикой белки) — и исчез.

Снова спустил Янко ведро в колодезь. Как всегда, оно долго летело вниз с грохотом и звоном и наконец шлепнулось в воду где-то глубоко-глубоко внизу. Янко подергал за цепь, чтобы ведро наполнилось как следует, и стал тащить его вверх. Только до чего же оно было тяжеленное! И чем дольше он крутил колесо, тем тяжелее становилось ведро. Словно он поднимал не одно, а сразу пять или десять ведер. А цепь стонала, скрипела и как-то неохотнее чем обычно наматывалась на вал.

„Похоже, и колодезь эта работа осточертела на меньше, чем мне,“ — подумал Янко.

Из последних сил вытащил он ведро, поставил на каменный бортик колодца — и вытаращил глаза: что это? Ведро наполнено доверху золотыми монетами! Не веря своим глазам, Янко сунул руку в ведро и стал перебирать звонкие монеты, живым огнем отражающие свет факелов.

— Спасибо тебе, добрый дедушка Длиннобород! — крикнул Янко в темноту.

Но никто не отозвался ему.

Янко перенес монеты в свою каморку и до самого утра пересчитывал их у свечи, раскладывал на кучки:

— Это — чтобы выкупить свою свободу у хозяина.

— Это — чтобы купить себе землю и поставить на ней свой домишко. И чтобы земля была на солнечном склоне, чтобы рядом лес шумел, а над головой голубело свободное небо.

За эту кучку монет куплю себе волов, корову, овец десяток.

— Эти деньги разделю среди своих братьев и сестер.

— А на эти — сыграю веселую свадьбу!

Нежданное, негаданное счастье принес дедушка Длиннобород бедному работнику Янко.

После того, как Янко ушел из замка, воду не стали больше вытягивать из колодца вручную. Приспособили к валу два колеса, вместо рукоятки — дышло, а к дышлу подпрягли двух осликов. Ослики ходили по кругу, вал вращался, подымая одно ведро и одновременно опускакая другое. Ослики покорно ходили вокруг колодца и только иногда грустно кричали: И-а! И-а!

Влкоша

ДОМ бургомистра на Вентурской улице жужжит, как потревоженный улей. Пропала малая городская печать, так называемая „тайная печать“. Вчера бургомистр принес ее из ратуши — собирался написать дома несколько деловых писем и тут же отправить их с городским служителем — и вот на тебе! Печать как сквозь землю провалилась. Он точно помнит, что, придя домой, поставил ее на стол в своей комнате, рядом с чернильницей — и тут пришла жена звать его к ужину. Когда на следующий день он вспомнил про печать, ее на столе уже не было.

— Как будто нельзя было принести ужин ко мне в кабинет! — сердился бургомистр.

— Но ведь у нас были гости, твоя же сестра с мужем, — обиженно возражала супруга.

— Нашли время для визитов! — ворчал хозяин дома.

Они обшарили все углы, ползали под столами и кроватями, двигали шкафы, перерыли все ящики и полки. Искали даже в саду, как будто печать могла выпорхнуть в окно, распахнутое по случаю жаркой погоды.

— А ты, Лоринка, не видела? — спросил староста свою дочку.

— Что, папенька? — девочка подняла на него свои голубые глаза.

— Значит, ты не знаешь даже, что мы ищем? Безмозглая курица! — рассвирепел родитель. — Мы ищем печать! Тайную печать! Видела ты ее или нет — отвечай!

У девочки задрожали губы, на глазах выступили слезы. Она прижимала к груди куколку в кружевном чепчике и широкой, длинной юбке, словно куколка могла защитить ее от отцовского гнева.

— Откуда же ребенку знать, что это такое? — заступилась за нее супруга достойного бургомистра.

— Тогда пусть не путается под ногами! И без нее тошно!

— Поди, Лоринка, погуляй в саду, нарвешь себе цветочков... — Мать взяла ее за руку и вывела из комнаты.

Лоринка побежала к садовой беседке, поставила куклу в густую, мягкую траву, разложила вокруг нее цветы. Кукла стояла посреди цветов в своем кружевном чепчике и в широкой юбке до земли, а вокруг вились пчелы, садились на ее гладкое деревянное лицо и жужжали, жужжали о чем-то...

Печать не нашлась и на третий день. Гнев бургомистра перешел в мрачное отчаяние. Больше тянуть нельзя, завтра придется заявить о пропаже и ждать решения магистрата. Может, придется уйти со своего поста. Ведь не безделица какая-нибудь пропала — тайная печать!

Он стоял у открытого окна и глядел в темнеющий сад, где качались на ветру вершины деревьев.

— Приятного аппетита, благородный пан, — служанка Марка поставила на стол поднос с ужином. — И еще я бы... если не прогневаются...

— Ну... в чем дело?

— Я, благородный пан, хотела вам сказать...

— Не о печати ли? — резко обернулся к ней бургомистр.

– Не о печати – об одной женщине. Зовут ее Влкоша и она знает всё...

– Что значит всё!

– Ну, знает, что у нас вчера готовили, и с кем я на гулянье чаще всего танцевала... в общем, всё.

– А где она живет, эта Влкоша?

– Чего не знаю, того не знаю, благородный пан, но она приходит на каждую ярмарку. Завтра начинается Лаврентьевская ярмарка, значит, она непременно придет торговать своим медом.

„Ну, невелика надежда, а все-таки... попытка не пытка“, – подумал бургомистр.

Когда на следующее утро он направлялся к ратуше, на Большой рынок уже стекались торговцы, ставили свои палатки, выкладывали товар. Целых три дня будет продолжаться Лаврентьевская ярмарка, одна из самых первых и главных ярмарок в Братиславе. В полдень на ратуше будет поднят флаг, выставлена „рука правосудия“¹⁾, с башни зазвучат фанфары городских трубачей. Это будет сигналом к открытию ярмарки, и на рынке закипит жизнь. Вот тогда бургомистр и поищет эту... как ее? Да, Влкошу!

„Сколько же здесь народу, сколько товаров на этом рынке! – думал бургомистр, пробираясь сквозь толпу. – И какая смесь языков!“ Эти торговцы полотном наверняка с Оравы, суконщики, судя по выговору, откуда-то с Рабы. Иголками и лентами торгуют венцы, кружева привезены из Хайнбурга, пряности – из Италии, а купцы, которые бренчат цепями в том ряду, должно быть, из Силезии. А от этих палаток так приятно, так вкусно пахнет, здесь женщины в полотняных чепцах и крестьяне в куртках домотканого сукна выкрикивают на сочном словацком языке: „Годовалый каплун за шесть денариев, молодой каплун за пять! Фунт масла – семь денариев! Пяток яиц за денарий, свеженькие, только что снесенные, кушайте, барыня, на здоровье! Самое лучшее вино всего за четыре монеты, отведайте, благородный пан, берите, не пожалеете!“

¹⁾ „Рука правосудия“ – изображение руки, держащей меч, символ уголовного права; это изображение устанавливали над входом в ратушу в знак того, что ярмарка находится под защитой короля; в настоящее время „рука правосудия“ находится в музее города Братиславы.

Занятно слоняться среди этих красок, ароматов, голосов – но только не тогда, когда тебя гнетет забота! А тут что продается? – палатки не видно из-за обступивших ее людей. До бургомистра донесся певучий девичий голос:

– А ты сможешь угадать, Влкоша, где я была в воскресенье?

– Мед у меня по пяти денариев, а разговоры идут только в придачу, – тут же прозвучал ответ, и все стоявшие вокруг рассмеялись.

– Ну, тогда дай мне одну мерку, – пропела все та же девушка.

Бургомистр привстал на цыпочки и глянул поверх толпы. Крепкая молодая женщина набирала из корчаги лесной мед. Пчелы жужжали вокруг ее темных волос, но она не отмахивалась от них. Одна пчела села прямо на пробор, уходящий под полотняный чепец.

– Вот, держи, Аполенка, – Влкоша протянула девушке кружку. – А в воскресенье снова надень свой красный платок, чтобы твой Йожи еще издали тебя разглядел.

Аполена ойкнула, как человек, которого застали врасплох – и снова все рассмеялись.

– А мне дай две мерки, Влкоша! – Белая рука, украшенная перстнями, протянула стеклянный кувшинчик.

Течет темная лента меда, укладывается в прозрачный кувшин, наполняет его почти до краев.

– Вот, пожалуйста, панна Кристина, хватит и к чаю, и на медовые сердечки, которые так нравятся молодым господам.

Панна Кристина залилась румянцем, поспешно достала из кошелька деньги и скрылась в толпе.

– Эх, глупая ты, Влкоша! – с упреком заметил пожилой мужик, продававший рядом масло.

– Это почему же?

– Да разве можно трезвонить обо всем, что знаешь? Хочешь, чтобы панночки подумали, будто ты у них на кухне днюешь, в кладовке ночуешь, в замочную скважину подглядываешь? Эх! – И он махнул рукой с досады.

В замешательстве Влкоша затеребила белую шейную косынку.

— Твоя правда, сосед, — помедлив, сказала она низким грудным голосом. Потом тряхнула головой, блеснув темными глазами, и спросила:

— Кому еще меду?

— Мне, Влкоша, — отозвался бургомистр. — Но не мерку и не две — я покупаю весь твой мед. Только, пожалуйста, отнеси его ко мне домой.

Молодая женщина поставила корчагу с медом в короб, короб взвалила на спину и пошла следом за бургомистром. Вокруг нее вились пчелы, садились на короб, ей на плечи, на голову, жужжали, настойчиво гудели, будто что-то рассказывали ей, будто считали ее своей.

Мед служанка унесла на кухню, а Влкошу хозяин дома отвел в свою комнату и усадил за стол.

— Влкоша, мне нужна твоя помощь.

— Знаю, господин мой. У тебя пропала тайная печать.

— Если ты ее найдешь, Влкоша, я щедро тебя вознагражу.

— Найду, господин мой. А награда — зачем она мне? С меня довольно будет, если ты запомнишь мое имя.

— Разумеется, Влкоша. Смогу ли я забыть твою помощь?

— Тогда подойди к окну, господин мой. Видишь куклу, с которой твоя дочь играет в саду?

— Что с нее взять? Она только и знает, что возиться с куклами!

— Так вот, ее кукла — это и есть то, что ты ищешь три дня. Лоринка одела ее в юбку, а на круглую рукоятку нахлобучила чепчик.

— Не может быть! — усомнился бургомистр.

Принесли куклу из сада, сняли с нее кукольный наряд — и на свет появилась тайная городская печать.

— Ох, Влкоша, Влкоша, откуда это у тебя, откуда ты все знаешь?

— Если б ты понимал язык пчел так же, как я, господин мой, ты бы тоже знал больше других людей.

— Неслыханное дело! Так ты понимаешь язык пчел?

— Да, господин мой. Там у нас...

Влкоше представился бревенчатый домик на солнечном

склоне холма Девинская Кобыла, где жил их род потомственных пчеловодов. Кругом стоят ульи, ульи из пней, из обрубков стволов, творения мастерицы-природы, к которым приложил руку мастер-человек: один улей выглядит медведем, второй – глухарем, третий – грибом, четвертый – как карлик. Из всех ульев вылетают пчелы, с жужжанием и гулом спешат на свою медоносную работу.

– Там у нас говорят, – продолжала Влкоша, – что мой прадедущка немножко понимал пчелиный язык. Дедушка, мол, понимал уже лучше, а мой отец – и вовсе хорошо. Свое знание он передал мне, когда я была еще девочкой, и сама я с тех пор многому научилась. Вот и весь мой секрет.

– Я тебе верю, – улыбнулся бургомистр, – хотя и не всё понимаю. Впрочем, я знавал сокольника, который общался с соколами – почему бы и тебе не общаться с пчелами?

– Истинно так, господин мой.

– А скажи мне, Влкоша, о чем жужжит вон та пчела на оконном стекле?

Молодая женщина прислушалась и поспешно встала.

– Она говорит, что к вечеру будет гроза. Мне нужно

торопиться, господин мой. Мед я продала, а добираться домой мне не близкий свет.

— Ладно, Влкоша, иди. И спасибо тебе.

Чтобы ощутить быстрый бег времени, достаточно взглянуть на собственных детей. Бургомистрова дочка Лоринка выросла и вышла замуж. А бургомистр давно уже перестал быть бургомистром, но по-прежнему заседал в магистрате, то есть в городском совете.

Однажды пришел к нему городской писарь. В черной мантии, с чернильницей на поясе.

— Прости меня, пан советник, за беспокойство, да еще по такому малоприятному делу. В нашу тюрьму попала женщина, обвиняемая в колдовстве. Только что мы подвергли ее первому допросу под пыткой.

— А я-то здесь при чем? — удивился советник.

— Тысячу раз прошу прощения, пан советник, но эта особа настоятельно просила напомнить тебе ее имя.

— Как ее зовут?

— Влкоша.

— Не знаю такой. В первый раз слышу.

— Я сразу так и подумал, пан советник. Что может быть общего у тебя с невежественной крестьянкой! Правда, говорят, что она будто бы понимает язык пчел, но это, конечно, враки. А вот то, что две почтенные горожанки уличают ее в связи с дьяволом — это факт!

— Как ты сказал? погоди! — воскликнул советник. — Влкоша, говоришь? Тогда я отлично ее помню! Как же, тайная печать!...

— Прости, пан советник, я что-то не понял!

— Гм... я, собственно, хотел сказать... так что говорят эти свидетельницы?

— Говорят, эта Влкоша может найти украденную или пропавшую вещь, разрешить любую загадку, и эта способность у нее, конечно, от дьявола. Об этом свидетельствовали две весьма уважаемые женщины, много лет покупавшие у нее мед. И вот теперь она прямо с ярмарки попала в темницу.

— Она в чем-нибудь призналась?

— И добровольно, и на допросе с пристрастием она призналась, что всё узнаёт от пчел. Даже если это и так, это тоже колдовство!

— Ладно, писарь, хватит болтать, отведи меня к ней.

В темном, глубоком подземелье под ратушей, при мерцающем свете факела советник увидел незнакомую пожилую женщину, сухощавую, жилистую, с загорелым, обветренным лицом. Он готов был поклясться, что никогда не видал ее в глаза. Увидев его, она с трудом поднялась на ноги.

— Благодарю тебя, господин мой, что ты сохранил в памяти бедную Влкошу.

Лишь теперь он узнал её: по большим темным глазам, по пробору, ровно пересекающему темя и уходящему под полотняный чепец. И по низкому, звучному голосу.

— Как ты сюда попала, Влкоша? За какую провинность?

— За свой несдержанный язык попала я сюда, господин мой. Выболтал он что-то об одной барышне, и что же получилось? Готовилась свадьба — и вдруг не стало свадьбы. Тут мамаша этой барышни и нашла свидетельницу, которая подтвердила, что я имею дело с дьяволом... Ах, господин мой, что-то теперь меня ждет...

— Вот видишь, Влкоша, как опасно знать сокровенные вещи. Но не отчаивайся, что-нибудь придумаем. Ты можешь и не знать, но есть такое правило: свидетельство городского советника может заменить показания двух свидетелей.

Да, большой вес имело свидетельство бывшего бургомистра. Все знали о его беспорочной жизни и ревностном служении родному городу.

Благодаря ему Влкоша избежала новых пыток и смерти на костре. Городской суд вынес сравнительно мягкий приговор: ей было навсегда запрещено ступать ногами на территорию свободного королевского города Братиславы.

Влкошу вывели из тюрьмы, постаревшую до неузнаваемости, и помощники палача под звон колоколов метлами выгнали ее за городскую черту, за самые дальние рыбацкие хижинки.

Чертова картина

СУДЕБНЫЙ зал, расположенный на втором этаже ратуши, глядит на рыночную площадь своим широким тройным окном в виде эркера. Каждую среду здесь заседает городской суд. Каждую среду горожане приходят сюда со своими жалобами, ища у суда защиты и справедливости.

Около полудня в зал вошла простая женщина в траурном платье, со скорбным лицом.

– Заступитесь, отцы города, защитите моих сирот! – произнесла она голосом, дрожащим от сдерживаемого плача.

– Расскажи, кто тебя обидел, – обратился к ней судья.

– Суд во всем разберется.

Женщина шагнула вперед и заговорила, теперь уже спокойнее:

– Три дня тому назад я похоронила мужа, осталась одна с четырьмя малыми детьми. Как-нибудь проживем, думаю, есть у нас клочок земли, без хлеба не останемся.

Наняла я пахаря и отправилась с ним на поле, вспахать, пшеницу посеять. Приходим — а там уже чужие пахари! Припахали наше полюшко к соседнему широкому полю. Богатый сосед там уже прохаживался и выгнал меня прочь — мол, земля его, а не наша.

У женщины брызнули слезы, она утерла их уголком фартука.

— Кто же этот человек? — спросил судья.

— Он сидит среди вас, господа городские советники, — глаза женщины вспыхнули гневом. — Вот он!

Советник, на которого она показала, и глазом не моргнул. На его благообразном лице, обрамленном окладистой бородой, появилась снисходительная улыбка.

Это был почтенный горожанин старинного рода, четырежды избиравшийся в городской совет. Солидный, рассудительный, с твердым характером. Известно было, что у него много виноградников и пахотной земли, что его богатство растет как тесто на опаре. Неужто такой человек мог покуситься на вдовье поле? Ни судья, ни остальные советники не могли этому поверить.

— Что возразишь ты на это обвинение, достойный сенатор¹⁾? — вежливо спросил судья.

Советник неторопливо поднялся с места. В черной сенаторской мантии, с золотой цепью на груди он выглядел внушительно и достойно. Все та же снисходительная усмешка блуждала по его лицу.

— Славный суд, — начал он звучным голосом, — эта женщина не имеет понятия, как обстояло дело. Поле, о котором она говорит, не было собственностью ее мужа, оно принадлежало и принадлежит мне. Я предоставил его в пользование ее мужу за то, что некогда он оказал мне важную услугу. Почему покойный ничего не сказал об этом своей жене — не знаю. Теперь я лишь возвращаю то, что принадлежит мне по праву.

— Неправда, пан судья, это дерзкая ложь! — воскликнула женщина. — Люди могут подтвердить, что это поле обраба-

¹⁾ Городской (муниципальный) совет иногда назывался также сенатом. Соответственно, член этого совета назывался сенатором.

тывал еще отец моего супруга, и отец его отца. Любой скажет, что оно искони принадлежало нашей семье.

— Горе помрачило бедняжке рассудок, — спокойно и веско сказал советник. Он открыл стоявшую перед ним резную шкатулку, достал из нее пергаментный свиток и протянул его судье:

— Вот документ, подтверждающий мои исконные права на это поле. Соболаговолите убедиться.

Судья пробежал глазами грамоту, потрогал висячую печать и кивнул. После него сделал то же самое другой советник, за ним еще один. Так пергамент побывал в руках у всех членов совета.

— Представленный документ опровергает любые сомнения, — произнес судья. — Поле действительно принадлежит господину советнику, о котором ты, женщина, оскорбительно выразилась перед судом. Теперь в его власти потребовать наказать тебя.

Советник свысока взглянул на женщину — так гора смотрит на кочку у своего подножия. Оставить ее на свете или раздавить своим весом?

— Слыханное ли дело? — воскликнула женщина. — Не может эта грамота быть подлинной! Она фальшивая, клянусь вам!

Задышавшись, она выкрикнула:

— Пусть господин советник поклянется перед судом!

Судья обвел взглядом совет: один за другим сенаторы выражали свое согласие кивком головы.

— Господин советник, суд предлагает тебе принести клятву.

Советник неторопливо поднялся, подошел к Библии, лежавшей перед судьей, положил на нее руку:

— Клянусь, что я говорил правду и только правду. Если же я солгал, да постигнет меня справедливая кара.

На миг воцарилась гнетущая тишина. И тут же здание сотряслось от жуткого смеха, гогота, визга. Из пещеры на восточном склоне Замкового холма, где, как говорили, обитал сам черт, вылетел красный шар. Он описал огненную дугу, влетел в дымовую трубу и вышиб кованую каминную решетку в зале судебных заседаний.

Перед потрясенными советниками предстал братиславский черт в своем форменном красном плаще и, оскалив зубы, улыбнулся им, как старым знакомым. Черт шагнул к советнику и хлопнул его по плечу:

— Давно я чуял, что рано или поздно ты будешь мой!

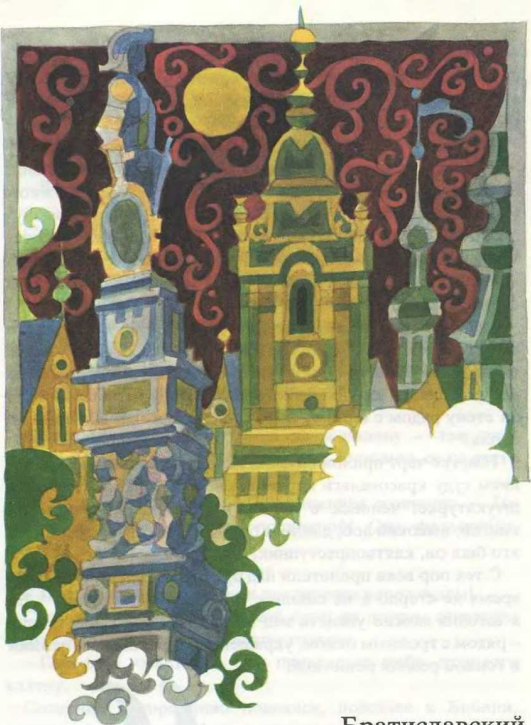
Размашистым движением он набросил на него свой плащ, вскинул этот живой мешок на спину и одним прыжком вылетел через закрытое окно, из которого дождем брызнули круглые пластинки разноцветного стекла. От радости, что ему досталась такая знатная добыча, черт шлепнул черной лапой по наружной стене и с ликующим ржанием скрылся из глаз.

Зал был полон зловония и адского дыма, выедавшего глаза. Придя в себя от изумления, весь совет во главе с судьей выбежал на рыночную площадь. Из разбитого окна все еще вились струйки едкого дыма. Вдруг кто-то показал на стену рядом с окном — и раздался дружный испуганный вопль!

Там, где черт приложил свою ладонь, грозным напоминанием суду красовалась картина, словно бы выжженная на штукатурке: человек в черной мантии перед открытой книгой, высокий лоб, длинная борода. Все сразу узнали его: это был он, клятвопреступник!

С тех пор века пролетели над братиславской ратушей, но время не стерло и не смыло с нее „Чертову картину“. Ее и сегодня можно увидеть над старинным порталом здания — рядом с тройным окном, украшенным цветными стеклами и тонкой резной решеткой.

Братиславский колокол

У КАЖДОГО колокола свой голос – жители древней Братиславы хорошо это знали. У одного колокола голос звонкий – как радостный возглас разносится он в воздухе. Другой колокол звучит гулко и мрачно, как гром над водами. Один колокол звучит как серебряные бубенцы, иной плачет как обиженное дитя. Из всех многочисленных

братиславских колоколов легче всего узнать большой колокол с башни над ратушей. Когда бы ни раздался его мощный, задумчивый голос, люди невольно останавливаются, прислушиваются. „Он как будто стучится прямо в сердце, — думают они. — Или, может, он вызывает к совести...?“

В доме неподалеку от Лауринских ворот жил когда-то колокольный мастер Фабиан с молодой женой Идой. Каждый вечер он спешил домой из своей литейной мастерской, расположенной на берегу Дуная. Еще бы, ведь дома ждала и не могла дожидаться его молодая жена. Она очень страдала от одиночества. Правда, для хорошей хозяйки всегда найдется работа по дому, но ей было одиноко и во время работы. Ее веселый, живой характер был создан для общества.

Мастер Фабиан был знаток своего дела, и в работе у него недостатка не было. Заказы поступали к нему отовсюду. И городской магистрат не один раз заказывал ему колокола. Обычно его вызывали в ратушу, чтобы договориться об очередной работе.

Поэтому он немало удивился, когда однажды в двери его дома лично постучался сам братиславский бургомистр.

— Шел мимо, — объяснил он мастеру, — дай, думаю, загляну, спрошу, как обстоят дела с колоколом для Михальской башни. Сам знаешь, башня без колокола — все равно что человек без голоса.

— Колокол будет готов в срок, — с учтивым поклоном отвечал мастер Фабиан. — Прошу, проходи в дом, раз уж ты почтил нас своим посещением — выпей у нас бокал вина.

Он усадил бургомистра за стол.

Пани Ида была счастлива. Она поспешила принести из подвала кувшин самого лучшего вина. Разливая вино по бокалам, она едва не пролила его, настолько ее выбило из колеи присутствие почетного гостя.

— За твою красоту, пани Ида! — поднял бокал бургомистр, не в силах оторвать взгляда от ее лица, но тут же спохватился и добавил: — И за успех в твоем деле, мастер Фабиан.

А когда они выпили, бургомистр добавил:

— Ты можешь гордиться своим мужем, пани Ида, о нем

уже идет слава, как о лучшем колокольном мастере в наших краях.

Вместо ответа Ида радостно засмеялась, и бургомистр решил, что это и есть самый очаровательный ответ. Он был весьма равнодушен к женской красоте, и это обстоятельство не раз огорчало его почтенную супругу. Что поделаешь, у всех свои слабости — ну, а у пана бургомистра была именно такая слабость. Правда, он старался скрыть от мастера Фабиана, насколько он очарован его молодой женой, но в голове у пана бургомистра уже зрел хитроумный план...

Прошло не так уж много времени, мастер Фабиан только-только успел передать магистрату заказанный колокол — и опять бургомистр наведлся в его дом.

— Я пришел поблагодарить тебя за отменную работу, мастер Фабиан. Городской совет чрезвычайно доволен твоим колоколом. Какой звучный, приятный голос!

Однако при этом он глядел на пани Иду, поэтому было не совсем ясно, говорит ли он о колоколе или о ней.

— А потому мы решили — и я рад подчеркнуть, что это была моя идея (тут он благосклонно взглянул на мастера) — итак, мы решили поручить тебе куда более ответственное дело: отлить большой колокол для ратуши. Ведь колокола, которые у нас есть, малы и слабы, ими только за упокой звонить. А добрый колокол — он много значит: он и о радости возвещает, и о беде, и о больших событиях, он и людей созывает. Такому городу, как наш, подобает колокол, который было бы слышно за три мили. Так вот, мастер Фабиан, именно такой колокол мы и заказываем тебе: чтобы в нижней своей части он был не меньше, чем в три обхвата...

Тут бургомистр из вежливости сделал паузу, так как пани Ида вскрикнула от восторга.

— А высота...

— А высотой он, значит, будет около восьми футов, — со знанием дела отозвался мастер.

Этот почетный заказ преисполнил его гордостью, но он не выказывал своих чувств. Литье колоколов — ремесло, требующее терпения и самообладания. Такой большой

колокол ему еще не приходилось отливать — что из того? Он прошел хорошую школу у чешских мастеров, да и собственный его опыт кой-чего стоит.

— Работа предстоит немалая, — говорит он как бы про себя.

— Ну и что ж? Возьмешь еще одного помощника! — сказала пани Ида.

„Какой он добрый, этот господин бургомистр, — думала она. — Сразу видно, что замечательный человек. И до чего любезен! Он держится со мной, как с дворянкой! Очень, очень приятный господин — и совсем еще не старый... Как идет ему эта золотая нагрудная цепь! И какой у него роскошный перстень! В первый раз в жизни вижу такой огромный изумруд!“

И она одарила господина бургомистра лучистым взглядом голубых глаз.

Мастер Фабиан принялся за новый, такой почетный, заказ. С утра до вечера он трудился в мастерской, лишь в обед давал себе и подмастерьям короткую передышку. Времени у него было в обрез, первый удар большого колокола должен прозвучать во время выборов нового городского совета. Плохо, что магистрат принял это решение так поздно. Шуточное ли дело — отлить огромный колокол, да еще в такой короткий срок! С одной формовкой сколько предстоит работы. В яме нужно сплести каркас из проволоки и заполнить его особой глиной, чтобы получилась гладкая форма, не только строго соответствующая форме будущего колокола, но и достаточно прочная, чтобы выдержать напор расплавленного металла. И это еще далеко не все. Самое главное — угадать верный состав звонкого металла...

Домой мастер приходит поздно, смертельно усталый. Хорошо еще, что жена не попрекает его, не пилит за то, что он думает о колоколе больше, чем о ней (и это ведь чистая правда). Впрочем, жена и сама то и дело спрашивает, как продвигается работа над колоколом. И вообще она сильно изменилась. Пожалуй, надо бы поразмыслить над этим, поговорить с женой по душам.

Но на размышления не было времени, работа поглощала все его мысли, всё его время. Как только на заре стража отпирала городские ворота, мастер первым выходил из города, и возвращался в город последним.

Однажды на рассвете, проходя мимо караулки у городских ворот, он услышал смех и обрывки солдатского разговора:

— ...от зари до зари копошится в своей мастерской...

— А тем временем в его дом стучится знатный гость, ха-ха-ха!

— Да уж, известное дело, красивая жена — чистое несчастье!

Мастер Фабиан молча прошел мимо, словно ничего и не случилось, только черты лица его вдруг застыли.

В мастерской на берегу Дуная уже орудовали оба подмастерья: прикрывали готовую форму досками, чтобы кто-нибудь не свалился в нее ненароком. Рядом с большой печью

уже лежали заготовленные слитки меди и обломки старого колокола, сегодня начнется плавка. Если все пойдет как надо, завтра к вечеру расплав будет готов.

В полдень мастер вдруг переоделся и не говоря ни слова ушел из мастерской.

Недостойно пробираться по-воровски в собственный дом. Но этого никак не избежать, если человек хочет подтвердить или опровергнуть недоброе подозрение.

Когда мастер Фабиан неожиданно открыл дверь в комнату, пани Ида со слабым криком бросилась к зеркалу и стала приводить в порядок прическу, а бургомистр поспешил повесить на шею свою золотую цепь.

— Как хорошо, что ты пришел вовремя, — не растерялась пани Ида. — Видишь, пан бургомистр ищет тебя.

— Добрый день, мастер Фабиан, — собрался с духом и бургомистр. — Я пришел узнать, как продвигается работа над большим колоколом. Весь магистрат ждет его не дождется.

— Работа идет хорошо, — спокойно отвечал Фабиан. — Сегодня приступаем к плавке. Я как раз собирался в ратушу сказать, что нам нужно еще не меньше двух фунтов серебра — и не позже завтрашнего дня.

— Я доложу об этом городскому совету, — охотно согласился бургомистр. — И постараюсь, чтобы твоя просьба была выполнена.

Он простился и вышел. Вскоре его шаги затихли в глубине двора.

Пани Ида воодушевленно щебетала о чем-то, пожалуй, даже слишком воодушевленно, но мастер не слушал ее. Он шагнул к ней, схватил ее за руки выше локтей и впился взглядом в ее голубые глаза.

— Как давно ты меня с ним обманиваешь?

Она испуганно заморгала, ее зрачки расширились от страха.

— Что... что это тебе пришло в голову? — заикаясь, выговорила она.

— У домов есть глаза, уши и языки. Я все уже знаю, не знаю только, когда это началось.

От ужаса глаза пани Иды стали еще голубее.

— Когда?

Его взгляд был темен, а руки — как железные тиски.

Заикаясь и всхлипывая, она стала рассказывать, как ей было тяжело, ведь бургомистр грозился оставить мастера Фабиана без работы. А она бургомистра совсем не любит, и никогда не любила, единственный мужчина, которому принадлежала ее любовь — это он, ее дорогой Фабиан. Она глядела на него сквозь слезы и даже такая, заплаканная, всё еще была хороша.

— Ну что ж, здесь мне делать больше нечего! — презрительно сказал Фабиан, оттолкнув жену.

Эту ночь Фабиан провел в мастерской вместе с подмастерьями, поочередно они дежурили у плавильной печи, подерживая в ней огонь. Фабиан твердо решил навсегда покинуть этот город, навлекший на него такой позор. Но колокол он докончит, ведь это самый большой колокол в его жизни. И он заплатил за него своим счастьем. Колокол останется здесь, как память о нем. Пусть звучит вечным упреком, пусть обвиняет обидчиков своим могучим голосом...

Всю ночь, все утро мастер и подмастерья возились у печи, чумазные как черти, то и дело поглядывая на жидкий металл, клокотавший в печи. Пора бы уже прибыть серебру из магистрата, сейчас самое время бросить его в расплав.

В полдень подмастерья ушли обедать, Фабиан остался у печи один. Именно тогда в мастерской появился бургомистр. Дружелюбно протянул руку, словно между ними не произошло ровным счетом ничего. А если и произошло, мастер Фабиан об этом не догадывается. А если и догадывается, то подымать шум не станет. Ведь куда лучше быть другом бургомистра, чем его врагом.

— А вот и обещанное серебро. — Бургомистр достал увесистый кошель. — Уломал я все-таки господ сенаторов.

Одну за другой он стал бросать в огненный металл пригоршни серебряных монет.

— Ради этого колокола я на все готов! — возбужденно говорил бургомистр. — Этот новый братиславский колокол, мастер Фабиан, будет нашим общим детищем. Я подал идею, я настоял на ней, а ты осуществляешь ее. Ты да я — мы оба

неразрывно и навсегда связаны с этим новым колоколом.

В глазах у мастера потемнело, в висках застучала кровь.

— Связаны, говоришь? — прохрипел он. — Навсегда? Ну что ж, будь по-твоему!...

...В мастерскую вернулись подмастерья, а к вечеру Фабиан пробил отверстие в днище печи, и расплавленный металл с грохотом хлынул по желобу в форму.

Новый колокол обошелся магистрату дешевле, чем ожидалось: мастер Фабиан так и не пришел получать свои четыре фунта серебра, полагавшихся ему за работу. Никто не знал, куда он подевался. Еще удивительнее было, что бургомистр тоже куда-то исчез. Не мог же он отправиться в путешествие за день до выборов в городской совет!

Жена бургомистра плакала и клялась, что ни в какое путешествие ее муж не собирался, что с ним непременно случилось какое-то несчастье. Бедняжка тронулась с горя. Например, она утверждала, что явственно слышит в звоне нового колокола голос своего мужа. Она даже поднималась на звонницу над ратушей, чтобы увидеть этот колокол. Пусть попробуют ей объяснить, кричала она, как попал в колокол изумруд из перстня ее мужа! Этот зеленый глазок, выступающий из стенки колокола — ведь это изумруд из перстня, который она сама подарила своему супругу в день их свадьбы!

Но кто мог ответить ей на это? Разве что пани Ида... она-то догадывалась кой о чем, но предпочитала помалкивать.

Мощный, задумчивый голос был у большого колокола, сработанного мастером Фабианом. Его печальный звон разносился поверх улиц и крыш города, над окрестными виноградниками, полями, лесами. Люди невольно останавливались, прислушиваясь. „Он словно стучится прямо в сердце, — думали они. — Или, может, он зовет к со- вести?“

Предание о скульпторе

ЖАРКИМ летом, когда улицы Братиславы изнывали от зноя, горожане привычно шли к Дунаю. Стоило выйти за городские стены – и дышалось уже легче, свободнее. От реки веяло прохладой.

И еще одна прелесть была в этих прогулках. Гуляющих по набережной под Братиславским замком встречал звонкий стук молотка о долото и долота о камень. А доносились эти звуки из большого дома на набережной, в котором жил мастер Ксавер – королевский придворный скульптор. Люди останавливались перед домом и заглядывали в открытые ворота. Квадратный двор был, собственно, продолжением мастерской скульптора. Рядом с глыбами камня, дожидавшимися обработки, стояли готовые скульптуры: ангелы,

святые, воины, монархи в мантиях и всевозможные звери. Словно мастер Ксавер хотел показать их людям до того, как они займут свое место во дворцах, храмах, садах или на площадях. Словно он хотел заранее услышать мнение людей о своей работе.

Горожане с любопытством разглядывали скульптуры и не скупились на замечания. Они не делали секрета из своего мнения – его мог выслушать кто угодно.

Однажды утром в дверь к скульптору постучался незнакомец, человек явно состоятельный, если судить по кафтану с золотыми пуговицами и по кружевной манишке со сверкающей брошью.

– Я много о тебе слышал, мастер Ксавер, – сказал незнакомец вместо приветствия. – Говорят, ты большой знаток по части красоты.

– Можно и так сказать, – согласился мастер. – Чем я могу служить тебе, господин...

– Виргулини, – представился незнакомец и слегка поклонился. – Виргулини фон Данубе¹⁾. Я вот о чем хотел попросить тебя: не возьмешься ли ты изваять мой точный портрет? ... О гонораре можешь не беспокоиться, я заплачу чистым золотом. Вот задаток.

И он положил на стол тугой кошелек.

Что ж, солидный заказчик – всегда желанный гость, особенно когда нужны деньги. А мастеру Ксаверу именно сейчас они были нужны позарез.

– Когда можно начать? – спросил он вместо ответа.

– Хоть сейчас.

– Тогда прошу стать здесь. – Мастер показал на середину комнаты, залитой лучами утреннего солнца. Сам же стал внимательно разглядывать посетителя то с одной, то с другой стороны.

„Красавцем его вряд ли назовешь, – думал мастер Ксавер, – а вообще-то лицо интересное. Глаза круглые, большие, пожалуй, даже слишком большие, лоб высокий, задумчивый, нос приплюснутый, губы полные, подбородок квадрат-

¹⁾ Если попытаться расшифровать эту латинско-немецкую фамилию, то получится что-то вроде: (господин) Лозовский из Дуная. (Прим. пер.)

ный, мужественный. Фигура приземистая, крепко сбитая. Одет по последней моде. Вот только почему ты все время держишь руки в карманах?“

— Сходство должно быть полным, — еще раз подчеркнул господин Виргулини, — для меня это важнее всего.

Спокойно и терпеливо он стоял посреди комнаты, наблюдая за мастером пристальным взглядом огромных глаз.

— Я хочу, чтобы моя невеста, Барборка, увидела мой портрет, изготовленный тобой. Если портрет ей понравится, я на ней женюсь.

— Барборка? — удивленно повторил мастер Ксавер. (Странно, что у невесты этого знатного господина такое простонародное имя!)

— Да, Барборка. Девушка с длинной косой, с загорелыми ногами, в складчатой юбке. Каждое утро она проходит по набережной, когда идет за молоком.

Так вот оно что! Этот богач загляделся на босоногую служанку! И хочет добиться ее расположения таким необычным способом? Ну и чудак.

После первого сеанса договорились, что через два дня господин Виргулини придет позировать снова. Мастер проводил знатного заказчика до самых ворот, а когда вернулся, с удивлением заметил лужу на каменном полу — на том самом месте, где стоял гость. И тут ему всё стало ясно! Он понял, кто этот загадочный заказчик и почему он прятал руки в карманах.

Пан Виргулини фон Данубе — водяной!

Правда, этот водяной — настоящий кавалер. Сначала он хочет выяснить, нравится ли он Барборке, и лишь потом он затащит ее в свой омут... Эх, Барборка, Барборка, бедная служаночка в складчатой юбчонке!

Пан Виргулини позировал скульптору только по утрам, когда в мастерской никого кроме них не было.

— Когда закончишь статую, — сказал он как-то мастеру, — поставишь ее во дворе, ладно? У самых ворот, чтобы все ее видели.

Скульптор молча кивнул, весь погруженный в работу.

— А нельзя ли мне взглянуть, что у тебя уже получилось?

– Нет-нет, только когда все будет готово, – решительно воспротивился мастер.

Он проводил заказчика до дверей, вытер лужу, оставшуюся после заказчика на плитках пола, и накинуд на статую полотнище. Ни одна живая душа, даже два его помощника, не догадывались, кого лепит мастер Ксавер.

Через несколько дней скульптура была готова. Мастер велел отлить ее из бронзы – вот теперь можно было показывать ее пану Виргулини.

Водяной внимательно оглядел свое изображение и погрузнел.

– Значит, вот как я выгляжу? – сказал он с нескрываемым разочарованием. – В золотом зеркале в моем дворце я кажусь сам себе куда симпатичнее. У меня в самом деле такие выпученные глаза? И такие толстые губы? ... Ох, да ведь я самый настоящий урод ...

– Ну нет, я не согласен, – покачал головой мастер Ксавер. – Врать не буду, ты не красавец, но и уродом тебя никак назвать нельзя. По-моему, у тебя интересная, даже можно сказать – незаурядная внешность.

– Ты в самом деле так считаешь?

– Разумеется. И статуя явственно свидетельствует об этом. Ты можешь забрать ее хоть сейчас.

– Нет, нет, мастер Ксавер, сделаем так, как договорились. Ты выставишь статую во дворе, у самых ворот, чтобы каждый мог ее увидеть. А это – остаток вознаграждения.

Виргулини положил на стол кошелек и удалился.

Был душный летний день, и после обеда жители Братиславы высыпали на дунайский берег.

Вот проходят барышни. Они держат над головами пестрые зонтики, чтобы уберечь от солнца нежную кожу.

– Гляньте-ка, у мастера Ксавера новая статуя! – останавливаются они перед воротами.

– Какой-то кавалер, смотри, какой разряженный. В манишке, с брошью!

– Ну и урод, такому никакие наряды не помогут!

– Очень нужно было мастеру возиться с таким страшилищем, уж лучше бы выбрал меня, хи-хи-хи!

И барышни удаляются по набережной, крутя зонтики.

Под берегом, сидя по шею в воде и спрятав голову в ивняке, водяной Виргулини ловил каждое слово прохожих: может, хоть кто-нибудь скажет, что у него интересное или незаурядное лицо! Но тщетно он напрягал слух: видели в нем лишь урод. „Да что взять с этих пустоголовых барышень, — думает Виргулини. — Зато Барборка... Наверное, она совсем другая, эта девушка с длинной косой и загорелыми ногами.“

Любой ценой Виргулини хочет услышать, что скажет она Барборка, увидев его изображение. Если он покажется ей таким же интересным, как считает мастер Ксавер, тогда он возьмет ее в жены. Он окружит ее любовью, роскошью, которую так ценит людской род. Тогда уже Барборке не придется ходить за молоком для хозяев, у нее у самой будут горничные и служанки. Жить она будет в золотом подводном дворце, в комнатах, увешанных занавесками из жемчуга. У нее будут все эти очаровательные безделушки, о которых с таким вожделением говорят земные женщины. И в любое время она сможет выйти сюда, на набережную, прогуляться с зонтиком на плече, и цвета этого зонтика будут играть, переливаться, как играет и переливается цвет дунайской воды летним днем. А барышни лопнут от зависти. Только бы Барборке понравилась эта статуя! Если б только она поняла, что он не такой уж урод! Иначе все пропало. Правда, Виргулини мог бы утащить Барборку в воду и против ее воли, скажем, когда она полощет белье на Дунае... Но он этого не сделает. Никогда и ни за что он не обидит ее!

Еще только занималась на востоке заря, а Виргулини уже расположился на своем месте под берегом. Барборка — пташка ранняя, как бы не прозевать ее приход.

Тьма отступала под деревья, в кустарник, в подворотни, но восходящее солнце изгоняло ее отовсюду.

На улице появились первые служанки, подмастерья, ученики ремесленников, они гроыхали пустыми ведрами и жбанами, голоса их далеко разносились в свежем утреннем воздухе.

— Ага, у мастера Ксавера новая статуя! — воскликнул паренек в синем фартуке. — Иди сюда, погляди, Барборка!

Барборка послушно побежала к нему, ее босые ноги так и замелькали под складчатой юбкой.

— Ой, какие у него глаза большущие! А нос какой расплющенный! Слушай, ну прямо лягушка!

— Пожалуй, он и в самом деле из их породы, — рассмеялся паренек.

— Ой, настоящая лягушка в манишке!

Смех Барборки раскаленной иглой вонзился водяному в самое сердце.

Он взревел от боли и одним ударом руки обрушил в воду кусок берега вместе с ивовым кустом. Темная волна взлетела словно крыло чудовищной птицы, хлестнула каменный тротуар и вернулась в русло.

Но гнев водяного уже будил новые волны, яростно гнал их на берег в злобной пене.

Разбушевался Дунай, вышел из берегов, сокрушая все, что попадалось на его пути. Он ворвался и во двор мастера Ксавера, с грохотом и стоном опрокидывал статуи, отламывая им руки, носы, головы... А статую, стоявшую у ворот, он докатил до самого берега и с ненавистью грохнул ее о скалу. Она разлетелась на куски, и волны унесли их далеко вниз по течению, зарыли в песчаном дне.

Лютой ненавистью возненавидел водяной Виргулини мастера Ксавера.

Почему он изобразил его уродом, лягушкой в манишке? Почему обманул, всю жизнь ему исковеркал? Нет, ни за что он ему этого не простит!

Легенда рассказывает, что с тех пор все творения мастера Ксавера выглядели уродливо. Его скульптуры хмурились в нечеловеческом гневе, корчились в мучительных судорогах, выпучивали глаза от ужаса или ухмылялись до ушей...

— Какие страшилища! — восклицали прохожие, а некоторые с отвращением отплевывались: — Ну и уроды!

Напрасно мастер выставял свои произведения во дворе, в воротах или даже на подоконниках — никто не останавливался, чтобы взглянуть на них. Наоборот: все спешили пройти мимо, опустив глаза или глядя в противоположную сторону.

В одиночестве и нищете влачил свои дни мастер Ксавер до самой смерти.

Водяной Виргулини фон Данубе больше не пытался подыскать себе жену — так и остался старым холостяком.

Чертова мельница

ПРЕКРАСНА Мельничная долина. Она хороша и сегодня, когда дотянулась до нее Братислава, рассеяла по ее склонам кварталы современных белых домов. Но еще красивей Мельничная долина была в мирные прошлые времена, когда городская цивилизация еще не вторглась в ее пределы. Вдоль реки Выдрицы стояли задумчивые ивы, подрагивая листвой, со склонов стекали говорливые ручьи, глядели в небо блестящие зеркала трех прудов. Горные хребты были покрыты буковыми лесами, а их подножья окаймляли тенистые дубравы. Тишину этих мест нарушал негромкий стук мельниц, шум мельничных колес. Девять

мельниц было когда-то в Мельничной долине — а ни одной одинаковой.

Самой известной из них была средняя мельница — пятая, с какой стороны ни считай. Но известность у нее была совсем особая.

Это было большое подворье, обнесенное стеной, попасть на него можно было только через высокие, прочные ворота.

На просторном дворе стояли обычно подводы с мешками зерна, дожидавшиеся своей очереди.

Однако с определенного времени пошла о пятой мельнице худая слава. Будто связался мельник с разбойниками, укрывает их на своей мельнице. Будто нападают разбойники на проезжих купцов, отнимают у них товар, а то и жизни решают. А во дворе мельницы-крепости разводят костер, пекут на вертеле угнанных бычков, запивают мясо награбленным вином. И чего только там еще ни творится... Вот что шепталось о мельнице, и шепот этот разносился далеко вокруг.

Недобрая тайна окутала мельницу темным облаком, и народ стал обходить и объезжать ее стороной.

Долго ли, коротко ли, помер старый мельник, заросла бурьяном дорога к заброшенной мельнице. И еще много времени прошло, прежде чем появился на ней новый хозяин, новый мельник. Помаленьку стали находиться и помольщики, только редко кто из них навещался сюда во второй раз. Работники на мельнице тоже недолго держались, хотя мельник был человек добрый и честный.

— Ты уж, хозяин, извини, но мне здесь оставаться не с руки, — говорил работник, отслужив здесь какое-то время. — Ведь это Чертова мельница!

И снова шептались люди, что, мол, на этой мельнице бродят по ночам призраки несчастных, которых там когда-то погубили. А черт, зачинщик всех злодеяний, разгуливает на мельнице как у себя дома.

Ясное дело, все избегали этого места.

Как-то по весне забрел сюда какой-то паренек из бедных краев — из Кисуц, звали его Блажей. Прислушался к стуку

мельничного колеса, к тихому шуму воды, погладил старый бук у ворот, вошел во двор и спрашивает:

— Пан хозяин, не найдется ли у вас для меня работы?

А сам парень здоровый, руки что твои лопаты, еще бы для такого не нашлось работы!

— Я бы тебя взял, — говорит мельник, — и двойную плату положил, но с одним условием: отслужишь у меня ровно год. А если уйдешь раньше, ни гроша не получишь.

Блажей и задумываться не стал, так ему захотелось заработать двойную плату. Ударили они по рукам.

Сперва-то ему всё здесь было по душе. С работой справлялся играючи, еды вдоволь — в любое время отрезай ломоть хлеба и ешь на здоровье. Каждый вечер перед сном он обходил подворье, проверял, всё ли в порядке, и только тогда шел спать в свою каморку. Ляжет и сразу засыпает мертвецким сном.

И все же однажды ночью что-то его разбудило. Вроде бы топот и ржание. Неужто конь отвязался и выбежал из конюшни? Вскочил Блажей, подбежал к окну.

В ночном небе висит луна, как золотая лампа, заливает двор своим бледным светом. По двору носится вороной конь, на нем безглавый всадник сидит. Трижды вороной обскакал двор, заржал напоследок и выбежал в ворота.

„Неужто я ворота не запер?“ — подумалось было Блажею. „Хотя, что это я? Тому, кто скачет по ночам, не нуждаясь в собственной голове, запертые ворота — не помеха.“ Только тут он понял, за что мельник платит работникам двойную плату!

Вообще-то Блажей был не из трусливых, однако утром он рассказал хозяину о том, что увидел ночью. Смутился мельник, замямлил что-то, но в конце концов выложил все начистоту: верно, поговаривают, что на мельнице водятся привидения, хотя сам мельник пока еще ни одного не видел.

Слушает его Блажей, а сам думает: не лучше ли убраться отсюда подобра-поздорову. Но жалко было ему лишаться хорошего места, а еще пуще — уже заработанных денег. Решил он все-таки остаться.

Близился конец лета. В закромах появилось новое зерно, зачастили на мельницу помольщики. Обычно они оставались на ночь, дремали в мукомольне, дожидаясь своей очереди.

Однажды входит Блажей в мукомольню — а дело шло уже к полуночи — и что же он видит? Все помольщики сгрудились в один угол, перепуганные, бледные, онемевшие от ужаса.

— Что случилось? — спрашивает Блажей.

А они глазами ему показывают: обернись, посмотри!

Там сидел на лавке монах, а перед ним лежала на столе его голова. Сидит монах в своей темно-коричневой сутане, не шелохнется, сторожит свою голову с выбритой круглой тонзурой на макушке. И голова лежит неподвижно, с закрытыми глазами, думу думает. Долго сидел монах, перепуганным людям казалось, что целую вечность он так сидел, и все вокруг него онемело, застыло в бледном ужасе. Потом встал, сунул голову под мышку и беззвучно, как тень вышел из мукомольни. Ровным шагом, будто совсем не касаясь земли, проплыл среди подвод и скрылся в воротах.

Не скоро вернулся к помольщикам дар речи. Один из них, родом из Дубравки, вспомнил, что ему дедушка сказывал:

когда-то, давным-давно, проходил этими краями монах и попался в руки разбойникам с пятой мельницы, и они нашли у него золотую чашу. Чашу разбойники отняли, а самого монаха убили. И, мол, случилось это тоже в конце лета.

Помольщики вздыхали, молились, охали — а едва рассвело, всех их как ветром сдуло со двора.

И Блажей со страху готов был бежать куда глаза глядят. Но ему бы этот страх дорого обошелся: шутка ли, лишиться двойной платы за целых пять месяцев. И если разобраться, эти мельничные привидения ведут себя вполне миролюбиво: появляются не часто, зла никому не делают — грех на них жаловаться. А не попробовать ли ему заговорить с одним из этих призраков... как знать, может, этим он избавит призрак от заклятия.

Зима в том году выдалась ранняя, но не слишком суровая. Выпал снег и накрыл нежным белым ковром просторный мельничный двор. Вечером того дня Блажей выпустил из ворот последнюю подводу со смолотой мукой и пошел отвести воду, чтобы мельница не стучала вхолостую. Замерло мельничное колесо. Словно все звуки на свете забились под снежную перину.

И тут вдруг раздалися шаги. Бодрые, и в то же время неторопливые — вот так хозяин выходит взглянуть на свои владения. Смотрит Блажей из-под навеса: кто бы это мог быть?

От ворот шагает к мельнице барин в высоком цилиндре. Весь в черном, белеют только перчатки на руках да шаль вокруг горла. Пересек двор и скрылся в дверях мельницы.

„Знатный гость заглянул сегодня к хозяину, — думает Блажей, — таких здесь не часто увидишь. Но как же это я сплеховал — забыл запереть ворота?“

Застегнул Блажей свой полушубок и подался к воротам, чтобы хоть теперь запереть их как полагается. И как же он удивился, увидев, что ворота заперты на железный засов. „Выходит, и этот из ночных гостей, которые ворот не замечают!“ — смекнул Блажей. И тут же увидел, как возвращается незванный гость — тот самый, в цилиндре, с белой шалью и белыми перчатками.

— Добрый вечер, господин хороший, — поздоровался с ним Блажей. — Прикажете отворить ворота или так пройдете? (А про себя добавил: „На воровской манер“).

Господин хороший остановился, оскалил белые зубы, из глаз так и полыхнуло огнем. Руки в белых перчатках у него висели вдоль тела, Блажей это отлично видел — но тогда кто же влепил ему затрещину, от которой он завертелся веретеном, а баранью шапку с головы как ветром сдуло? Пока он приходил в себя, господина в черном и след простыл.

„Иди знай, — с обидой думал Блажей, — за что я схлопотал по уху: за то, что я сказал вслух, или за то, что подумал?“

К утру всю щеку разнесло, как от зубной боли. Теперь уже Блажей всерьез подумывал бежать отсюда куда подальше. И все-таки не ушел. Он подсчитал, что уже заработал не меньше как на корову с теленком, неужто ему, батраку, от такого добра отказываться?

Так и продержался наш Блажей на Чертовой мельнице ровно год. Что он еще за это время повидал и пережил — предание о том умалчивает. Зато доподлинно известно, что это был последний работник на пятой мельнице, больше таких смельчаков не нашлось. Тем более, что работы на мельнице становилось все меньше, а после ухода Блажея она и вовсе перестала молоть.

Заросли шиповника, терна, боярышника подкрадывались к ней все ближе и наконец поглотили ее совсем. Здание и каменная ограда развалились. Сегодня даже старожилы вряд ли сумеют показать, где она, собственно, стояла, эта Чертова мельница.

Ничего от нее не осталось, кроме этого предания.

Как черт работал чертом

ЗА неделю до Нового года в Братиславе начинались веселые времена, с гуляньями на улицах, с шутками и смехом. Все жители города радовались празднику, но больше всех – вечно голодные студенты, школяры, дети из бедных семей.

В эту пору из дома в дом ходят колядовать веселые, шумные толпы, и всем что-нибудь перепадает от гостеприимных хозяев. Во главе каждой толпы идет Дед Мороз – Микулаш, с посохом, с заплечной корзиной, в корзине – медовые пряники для послушных детей. А рядом с Микулашем – его неперемный спутник, веселый черт Крампус, подпоясанный цепью, рогатый, с красным суконным языком и с метлой в руках.

Черт бренчит цепью, корчит рожи, пугает непослушных детей и шлепает их метлой.

Такой вот Крампус ходил за своим Микулашем по набережной под Братиславским замком. Он ухал, неуклюже подпрыгивал, а его рога свисали с головы как плохо начиненные колбаски.

„И это называется Крампус?“ возмутился настоящий братиславский черт, которому всё было отлично видно из его логова на склоне Замкового холма. Он жил там с незапамятных времен и не убрался даже тогда, когда прямо у него над головой возвели церковь святого Микулаша.

„И это называется Крампус? Рога тряпичные, хвост веревочный, а копыт и вовсе нет!“

Черт рассвирепел, закутался в свой форменный красный плащ и помчался к своему начальнику, сатанинскому князю Вельзевулу.

— Ваше превосходительство, — черт отвесил низкий поклон, — нельзя ли мне сыграть роль Крампуса, уж очень хочется.

Вельзевул сидел в своем красном кресле и мыслил.

— Не думай, что это такая уж невинная игра, — сказал он после непродолжительного размышления. — Но поскольку ты черт способный и шустрый — разрешаю. Верю, что в роли Крампуса ты не только повеселишься на славу, но и сотворишь что-нибудь полезное для нашего ада.

Взвизгнул черт от радости и поспешил домой, переодеваться Крампусом. Ха-ха, что значит переодеться? Да разве пекарю нужно наряжаться пекарем? Или трубочисту — трубочистом? Или угольщику угольщиком? Вот так и черту незачем было рядиться. Повесил на гвоздь красный плащ, одел бараний полушубок и подпоясался цепью. Глянул на себя — то что надо! Вот как должен выглядеть настоящий Крампус!

Что-то он не припомнит, чтобы ему случалось когда-нибудь появляться в своем подлинном чертовском обличье. Кажется, это — первый раз.

Внизу, на площади, народ так и кишит. Кто просто гуляет, кто запасается лакомствами к Новому году: у торговков выложены в корзинах яблоки, орехи.

Ходит черт среди корзин, там хапнет яблоко, тут горстку орехов. Никто глазом не успевает моргнуть — на то он и черт! Вскоре карманы у него полны.

— Крампус! Крампус! — выкрикивают дети. — А где твой Микулаш?

Осклабился черт, задрезжал цепью: у-ух, сейчас всех

проглочу! Дети завизжали, разбежались, а через минуту начинают снова: — Крампус! Крампус!

Сбежал черт от детей, забрел на соседнее кладбище. Гуляет по свежему снежку, радуется, какие славные отпечатки делают его копыта, а еще больше радуется, когда ему удастся свалить какой-нибудь покосившийся надгробный камень. Как приятно среди бела дня чувствовать себя самим собою! Еще бы только подыскать себе подходящего Микулаша!

А вот и Микулаш откуда-то появился: в руках посох, за спиной короб.

— Хочешь быть моим Крампусом? — спрашивает Микулаш.

— С удовольствием! — Черт подпрыгнул от радости и забренчал цепью. Очень ему понравился этот Микулаш.

— А ты Крампус хоть куда! — с восхищением разглядывает его Микулаш. — Волосатый, с копытами — и прямо-таки пахнешь адской серой!

— Зато ты, хоть и Микулаш, а папахиваешь добрым винцом! — засмеялся черт.

И у Микулаша от добродушного смеха пряники в коробе запрыгали.

И вдруг — бац! Здоровенный снежок залепил черту глаз и чей-то злобный голос выкрикнул:

— Какого черта ты лезешь на чужой участок?

Перед чертом возник Крампус в черном наряде, с жалкими надломленными рогами и с красным суконным языком, съехавшим с подбородка на шею.

Размахивая кулаками, он набросился на черта.

— Крампусы дерутся! Крампусы дерутся! — верещали дети, прыгая вокруг них.

Даже в пылу боя Крампус успел показать им свой длинный язык: бэ-э!

Видимо, он забыл, что один язык уже висит у него на шее.

— Крампус с двумя языками! Крампус с двумя языками! — вопили дети.

Черт не был привычен к подобным сражениям, а к перестрелке снежками и подавно. Руки у него быстро озябли. Сгребая снег для снежков, он ободрал себе руки, потому что

снегу выпало не так уж много. Тогда он присел на корточки и начал сгребать снег в кучу хвостом, да так ловко, что Микулаш заподозрил неладное.

— А кто ты, собственно, есть? — спросил он.

— Я? — Черт стал дуть на ободранные руки, чтобы выиграть время. — А вы меня разве не знаете? Я подмастерье у кузнеца Нагеля, Варга меня зовут. Уже второй месяц у него работаю.

— А живешь где? — включился в допрос Крампус.

— Да прямо здесь, на горе, под церковью Микулаша, — ответил черт.

— Выходит, ты живешь у нас, — примирительно сказал Микулаш. — И ты, Крампус, не имеешь права бить его или прогонять отсюда.

— Тогда что ж нам делать? — пробурчал Крампус.

— Пойдете со мной оба и баста! — решил Микулаш.

Забренчали цепи: одна от радости, другая от злости. Крампус и черт еще потолкались, кто пойдет за Микулашем первым, а кто вторым, но в это время Микулаш уже стучался посохом в двери ближайшего дома. Им тут же отворили, так как хозяева давно уже наблюдали за этой троицей в окно.

Посреди небольшой комнаты, прячась за мамину юбку, стояли у стола мальчик и девочка.

— Ну, дети, хорошо ли вы себя вели в старом году? — спросил Микулаш.

Дети робко кивнули, но отец, сидевший за столом, неумолимо сказал:

— Да не так уж и хорошо. Слушались не всегда, а то и врали. А ну, Крампусы, всыпьте-ка им!

Крампус с суконным языком тут же принялся охаживать их по спине метлой.

„Как, наказывать за непослушание и вранье? — возмутился в душе черт. — А вот я их за это вознагражу!“

Он незаметно дунул на метлу Крампуса, и она тут же рассыпалась. Потом дал мальчику и девочке по яблоку, украденному на площади.

— Врать нужно так, чтобы все думали, будто вы говорите

правду, — прошептал он им на ухо и при этом так завертел хвостом, что дети весело рассмеялись.

— А чему вы научились за этот год? — спросил Микулаш.

Дети прочитали по стихотворению и получили в награду по медовому прянику. А благодарные родители сунули в карман Микулашу серебряную монету.

Для Крампуса день выдался на редкость неудачный. Во-первых, появился неприятный соперник, во-вторых, развалилась метла, и любой прутик, который он подбирал по дороге, ломался при первом же ударе. Оставалось только пугать детей цепью и суконным языком.

Фрукты в кармане черта убывали. Румяной Зулке он отдал последний орех, этого было чертовски мало для такой девчонки; ведь она, как выяснилось, не только дерзит и врет, но еще и тащит где что плохо лежит.

— Когда стащишь что-нибудь, обязательно говори „спасибо“, — шепнул ей черт и ласково погладил по волосам.

— И всё-то ты делаешь не так, как надо! — выговаривал ему Крампус. — Сразу видно, что никогда не был чертом!

А черт заливался веселым ржанием и высекал копытом искры.

Дети ликовали, такого веселого Крампуса они еще не видели.

Они табуном ходили за ним от дома к дому, от двери к двери.

На Рыбной площади тоже были разбиты палатки с лакомствами и игрушками. У детей слюнки текли при виде знаменитых братиславских медовых пряников, соблазнительных рожков с маком и орехами. За самую мелкую монетку здесь можно было купить „сливового чертика“, сделанного из чернослива.

Микулаш с обоими Крампусами и стайкой детей начали обход палаток. Они не столько покупали, сколько любовались сладостями, игрушками, картинками, изображавшими Микулашей, Крампусов, королей и солдат в красочных мундирах.

Мороз крепчал, над Дунаем сгущалась белесая мгла. Вся компания топала ногами, дышала на пальцы, слушая хриплый голос шарманки, наигрывавшей новогодние колядки.

У Микулаша уже опустел короб, придется сходить к кондитеру Хаберману, который продает ему медовые пряники со скидкой.

Интересно, как это получается, что у черта опять полны карманы и он раздает сливовых чертиков всем подряд? У каждого в перемазанной ручонке по черному чертику из

чернослива, у каждого радостно и гордо сияют глаза, хотя все озябли не на шутку. И черт сияет. На душе у него почему-то радостно, а почему — он сам толком не понимает. „Наверное, оттого, что я сегодня столько народу облапошил!“ — думает он.

— И мне! И мне дайте! — Перед чертом встал мальчишка в грязной рубахе и дырявых штанах; лицо неумытое, волосы забыли, что такое гребень, глаза горят, как у голодного волчонка.

„Ну, брат, ты, я вижу, мой будущий клиент, — обрадовался черт, — уж тебя-то непременно нужно угостить!“ Стал шарить по карманам, вывернул их наизнанку — пусто, хоть бы одна черносливинка нашлась! И стащить негде, палатки давно уже остались позади. „Что же тебе дать? — думает черт. — Неужто ты уйдешь от меня с пустыми руками? Ну нет, сегодня каждому перепало, значит, и тебе нужно что-то подарить.“ И в неожиданном порыве черт скинул свой полушубок и набросил его на плечи мальчика:

— На, держи!

— Спасибо, пан Крампус! — хрипло сказал мальчик, схватил черта за волосатую руку и поцеловал ее.

— Эх, ты! — черт дружелюбно хлопнул его по спине.

А Микулаш и Крампус тем временем куда-то исчезли.

Побрел черт домой. Идет, то и дело копытом искры высекает, вспоминая сегодняшнее веселье. И все время ему кажется: где-то в чем-то он маху дал. Но в чем?

Ввалился он в свое логово — и что же он видит? В хорошо знакомом ему красном кресле сидит сам сатанинский князь Вельзевул.

— Ваше превосходительство, случилось что-нибудь? — выдал из себя черт.

— Обманул ты мое доверие, братиславский черт, — произнес Вельзевул ледяным тоном.

— Чем же я, простите, провинился?

— Ты сделал доброе дело, а страшнее этого греха у чертей не бывает.

— Ваше превосходительство, не может этого быть!

— Тем не менее! Скажи-ка, братец, где твоя шуба?

Черт задрожал. Точно, в ней все дело!

— Ваше превосходительство, я ее отдал одному оборванцу. Он был совсем одичавший и злой, как бродячая собака.

— Ха-ха! — мрачно засмеялся сатанинский князь. — Да знаешь ли ты, кто он такой, этот оборванец? Это самый несчастный сирота в Братиславе, которого никто знать не хочет. Не сегодня-завтра из него выйдет бы душегуб или мошенник, наш человек. А ты своим подарком повернул всю его судьбу. Страшно вымолвить: ты вернул ему веру в людей! Да знаешь ли ты, что он сейчас делает? Он сейчас кутается в твою баранью шубу и мечтает, как выбьется в люди, чтобы отблагодарить тебя, доброго Крампуса! Тьфу!

Черт взвыл, словно его огрели плетью.

— Смилуйся, владыка ада!

Он рухнул на землю и стал кататься у подножия красного кресла.

Наконец Вельзевулу это надоело, и он поднял руку.

— Ну всё, довольно! До сих пор у тебя была безукоризненная репутация, поэтому я прощаю тебя. Первый раз не считается — это правило и в аду в ходу. Но играть в Крампуса я тебе запрещаю раз и навсегда. Этот предновогодний дух для тебя опасен. Люди делают друг другу подарки, желают всяческого добра. Тут даже хорошо подкованный дьявол может заразиться добрыми людскими помыслами. Итак, запомни: никаких Крампусов! Запрещено — и баста!

Вельзевул ударил кулаком по подлокотнику кресла — и был таков.

Утиный фонтан

В МАЛЕНЬКОМ парке на берегу Дуная, неподалеку от Старого моста, есть фонтан, который жители Братиславы называют „Утиным“. Скульптор изобразил трех веселых ребят. Они ловят уток среди больших камней. Первый стоит на самом верху, в руках у него бьется утка, хлопает его крыльями по лицу, вот-вот вырвется на свободу. Его друзья смеются, что-то кричат ему, один впопыхах споткнулся и распластался на земле. Фигуры из черной бронзы неподвижны – и в то же время полны жизни, движения. Что же это за сила, которая сумела остановить и навеки запечатлеть мгновение?

Вот что рассказывает легенда о возникновении Утиногo фонтана:

В те времена, когда жители Братиславы еще держали у себя во дворе коров, коз и свиней, гусей, уток и кур, многие

ребята волей-неволей становились пастухами. Кто пас коров на Кухайде, кто через Козьи ворота выгонял коз на окрестные зеленые склоны. А вот Мишко Тримай и его верные друзья Ферко и Лацко пасли уток.

Дело это нехитрое. Утки плещутся себе на мелководье у берега, полощут клювы в воде, вылавливая всякую мелкую водяную живность. А пастушкам раздолье: разведут костер, станут кукурузу печь, вопят от радости, когда зернышки выстреливают. А еще катаются на самодельных качелях на вербе, играют в салки, в прятки...

Но вот когда этим уткам вздумается выплыть с мелководья на волну, когда с торжествующим криканьем они отправляются в путешествие вниз по реке — вот тогда ребятам приходится туго. Потому что утка — она же дура, уплывет, забьется куда-нибудь в камыши — и пиши пропало. Это не собака, которая всегда найдет дорогу домой.

Именно такая история случилась однажды в жаркий летний день. Глупые утки выплыли на стремнину и с гордым видом пустились вниз по Дунаю. Напрасно Мишко кричал, напрасно Ферко и Лацко улюлюкали и шлепали палкой по воде, утки уносились по течению словно быстрые лодочки. Кто знает, куда бы их занесло, если бы вдруг не вынырнул перед ними человек в зеленом кафтане, с волосами до плеч, и не захлопал звонко в ладоши, словно камнем о камень ударил. И тут же утки метнулись к берегу, сломя голову припустили к ребятам по суше. А этот человек шагает за ними. Из воды вышел, а сухой, только с рукавов вода капает. Зеленый кафтан, штаны тоже зеленые, полосатые, в сапоги заправленные.

Ребята сразу все поняли, испугались: это же водяной!

А тот смотрит на них спокойно и даже вроде усмехается.

— Спа-спасибо вам, дяденька, — первым сумел вымолвить Мишко Тримай.

— Нё за что, — махнул рукой водяной. — А зовут меня Зеленьяк, или „дядя Зеленьяк“, если хотите. Можно мне тут с вами посидеть?

— Садитесь, пожалуйста, — Мишко подвинулся, — дяденька... дяденька Зеленьяк.

Утки плещутся на отмели, окунают головы в воду. А мальчишки угощают гостя печеной кукурузой.

— Вкусно, — говорит водяной, перебрасывая початок из руки в руку, — только больно уж горячо.

Он кладет початок на камень и достает из кармана три сахарные дудочки.

— В них можно свистеть, пока они не растают во рту, — и он протягивает каждому по дудочке. — Они из самого лучшего дунайского сахара.

Так водяной подружился с тремя веселыми ребятами. Если утки норовили уплыть вниз по течению, он всегда приходил на помощь ребятам, а часто и просто так под-ходил.

При виде его дети радостно вопили, топали босыми ногами, ходили на руках. Каким только штукам он их ни научил! И понимать рыбий язык, и танцевать смешной танец водяных и играть в дунайские прятки.

— Дядя Зеленьяк, а как оно там, внизу, выглядит? — спрашивает раз Мишко.

— Где „там“?

— Ну, в Дунае. На дунайском дне.

— Ну, как... вообще-то неплохо, — без особого воодушевления начал водяной. — Ветер там не дует, солнце не печет, мороз не щиплет, нигде ни пылинки...

— А что-нибудь занятное есть у вас там? — не унимается Мишко.

Водяной задумчиво выпячивает толстые губы: что бы там могло быть интересного для ребят?

— Ну как же, вспомнил! — обрадовался он. — У дорожек там рыбы танцуют. А перед пещерой черный судак с алебардой стоит.

— Почему с алебардой? Он что, солдат?

— Вроде этого, он там на страже стоит.

— А что он сторожит?

— О, это тайна! Хотя, какая там тайна, если ее каждая рыбешка знает! А по мне, так у вас здесь куда больше интересного, — сказал он.

— У нас? — удивились ребята. — А что ж у нас тут интересного?

— Ну, как ветер в листве шуршит, как пыль поднимается на дороге, как солнце припекает — хотя, на мой вкус, оно слишком жжет. Как от мороза плетни потрескивают, как белая зима Дунай льдом покрывает. Как возчики пробуют преехать по льду на другой берег, как все радуются, когда это им удастся. А еще мне, ребята, нравится, как вы играете и как вопите от радости, увидев меня. Вот это мне больше всего нравится.

Мишко пренебрежительно фыркнул:

— Да разве можно это сравнивать с судаком, который стоит на страже с алебардой на плече? Вот бы кого увидеть!

— Да, это было бы здорово! — вздохнул Лацко.

— Нельзя, — покачал головой дядя Зеленьяк.

— Почему нельзя? Вы нам покажете судака с алебардой, а мы вам за это покажем, где бакланы гнезда вьют, — пообещал Ферко.

Задумался водяной. Не то чтоб он хотел узнать, где

гнездится баклан, это он и без них знал. Он думал, как бы ему порадовать своих друзей. Доставить кому-то радость — значит, доставить радость и себе самому. Да только вот запрещено это, строго-настрого запрещено... А! может, сойдет разок...

— Ну ладно, пошли.

Он завел ребят в густые, высокие камыши, наклонился к самой воде и прошептал волшебные слова:

— Сексамент, откройся!

Он произнес их так тихо, что двое младших ничего не услышали. Зато Мишко расслышал, у него ведь слух был как у совы.

Вода зашумела, словно шелк зашелестел, расступилась и объявилась перед ними дорожка, усыпанная искристым песком.

Шагают ребята по дорожке, удивляются, глядят вокруг, не наглядятся. Прямо у дорожки пляшут-вьются невиданные рыбы, длинные плавники развеваются как белые вуали. И сама дорожка вьется, петляет, а далеко, в самом ее конце, зачернелось отверстие, что-то вроде входа в пещеру. Темные стены просвечивают золотыми прожилками, а где-то в глубине переливается золотое сияние.

„Так вот как золото выглядит!“ — ахнул Мишко. В жизни он золота не видал, а тут узнал сразу. „Поглядеть бы на него поближе!“ — Подбежал к пещере, но тут дорогу ему преградила алебарда.

У входа в пещеру стоял черный судак, строгий-престрогий, взгляд острый — как ножом режет.

— Ты что, Зеленьяк, забыл, что сюда людям ходу нет? — вскинулся он на водяного. — Не знаешь разве, что хранится в этой пещере?

— Как же не знать? — отвечал пристыженный водяной. — Известно что, дунайский золотой клад!

— А разве ты не знаешь, что люди по золоту с ума сходят?

— Как же не знать? Так то люди, а это ведь еще дети малые!

— А разве дети — не люди? — прогремел судак, и пещера эхом откликнулась на его слова.

— Люди-то они люди, но это мои друзья, и уж больно им хотелось увидеть тебя с твоей алебардой. Ну я и решил доставить им эту радость.

— Говоришь о радости, а приготовил им погибель. Нельзя им теперь возвращаться на землю.

— Как это нельзя? — ужаснулся Зеленьяк. — Это почему же? Ведь они больше сюда не придут, они не знают волшебного слова...

Судак посмотрел на мальчиков. Они глядели на него с таким восторгом, что взгляд его невольно смягчился.

— Не знают, говоришь? — повторил он. — Ну, их счастье! А тебе все равно не миновать дунайского суда. Ну-ка, брысь отсюда, чтоб я вас больше здесь не видел!

И он замахнулся на ребят алебардой.

Они оглянуться не успели, как снова оказались на берегу Дуная, невозмутимо катившего свои мутные волны. Как будто им всё это приснилось.

— Ребята, а что я вам скажу! — притянул к себе своих друзей Мишко. — Ведь я эти слова услышал.

— Какие еще слова?

— Те самые, которыми дядя Зеленьяк открывает Дунай. Я их хорошо расслышал, а вот сейчас, хоть убей, не могу вспомнить.

А неподалеку, на черной скале, сидела огромная старая жаба, спокон веков сторожившая дунайский берег. Выпучила жаба глаза, раздула щеки и прохрипела на своем жабьем языке:

— Кто эти слова произнесет и кто их услышит, пусть станет камнем, бре-ке-ке!

И снова глаза закрыла.

Прошло несколько дней, а дядя Зеленьяк все не показывался. Что такое? Никогда с ним такого не бывало.

— Может, заболел, — говорит Ферко.

— А может, наказали его из-за нас, — говорит Лацко. — Может, его под замок посадили.

— Ребята, нужно ему помочь! — загорелся Ферко. — Прийти и сказать черному судаку: „Не трогайте дядю Зеленьяка! Мы никому и не пикнем о том, что у вас увидели.“

— Если б я только вспомнил те слова! — Мишко постучал

себя по лбу. — Вот чувствую, что они у меня на кончике языка, а вспомнить не могу.

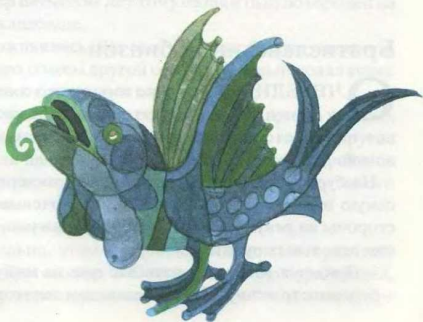
Дело шло к вечеру, небо над Братиславским замком было охвачено золотым пожаром. Пора домой, а утки ни в какую. Глупые птицы, никак не запомнят, когда пора возвращаться домой. Стали ребята ловить их среди камней. Главное дело поймать утку-вожака, а уж остальные пойдут за ней. На самом верхнем камне Мишко поймал утку, она бьется у него в руках, хлопает его крыльями по лицу, а он даже не замечает этого. Ведь в эту самую минуту...

— Ура, ребята, вспомнил! — радостно выкрикнул он. — Сексамент, откройся!

Не успел он и рта закрыть, как тут же превратился в статую. Вместе с ним стали черным камнем Лацко и Ферко, и утки, за которыми они гонялись. Сбылось проклятие черной жабы, сторожившей дунайский берег. Только вода весело плескалась вокруг окаменевших фигур: дунайская вода, которая давно все знает, но никому не выдает ни свои, ни чужие тайны.

А водяного Зеленьяка с тех пор никто из людей не видал, поэтому не известно, что с ним случилось.

Такая вот есть легенда об Утином фонтане. Если вы еще не видели его, загляните в маленький парк неподалеку от старого дунайского моста и полюбуйте́сь им.

Братиславский Робинзон

ОЧЕРЕДНОЕ заседание городского совета близилось к концу, и господа сенаторы уже предвкушали холодное пиво, которое ждало их в „Зеленом зале“ по дороге домой.

Но бургомистр еще не захлопнул свою черную папку. Ту самую папку, в которой бумаги переключиваются с правой стороны на левую по мере того, как заканчивается обсуждение отдельных пунктов.

— Придется мне задержать вас еще на минутку, господа,
— бургомистр окинул беглым взглядом сенаторов, сидевших

вокруг длинного стола. — Не знаю, известно ли вам, что в Вене вышло уже второе издание книги, в которой описываются удивительные приключения путешественника Кароля Йеттинга. Судьба его во многом подобна судьбе Робинзона Крузо — героя знаменитой книги Даниэля Дефо.

И он выложил на стол небольшую книжку, на титульном листе которой стояло: „Новый Робинзон или судьба и удивительные приключения путешественника Карла Йеттинга“.

— Мне кажется, всем следовало бы прочитать ее.

Господа сенаторы явно были не в восторге. Нашел чем угощать их, да еще в такой жаркий день! Задает им чтение на дом, словно школярам!

— Я еще не все сказал вам, господа, — продолжал бургомистр. — Будучи в Вене я посетил своего старого друга, высокородного господина Отто фон Кратца, и он вдруг говорит: „Вы, конечно, горды своим Робинзоном, не так ли? Еще бы, ведь такие люди приумножают славу своего родного города. Когда приеду в Братиславу, обязательно поклонюсь его могиле. Вашему Йеттингу удалось то, о чем мы, так называемые солидные люди, можем только мечтать: он познал настоящие, неподдельные приключения.“ — Вот что сказал мне господин фон Кратц. Итак, господа, из книги я узнал, что Кароль Йеттинг родился в нашем городе, здесь же и умер пятьдесят лет тому назад и был похоронен на Ондрейском кладбище.

Сенаторы оживились. Раз этот Йеттинг был их земляком, дело принимало совсем другой оборот. Первый подал голос старый советник с унылыми седыми усами:

— Разумеется, нам, отцам города, будет весьма лестно, если высокородный господин фон Кратц и, гм-гм, другие придут почтить память нашего земляка. Наше Ондрейское кладбище достаточно великолепно, чтобы принять самого высокого гостя.

— Верно, верно, — кивали отцы города.

— Действительно, этим кладбищем мы можем гордиться, — согласился бургомистр. — Вчера я нарочно туда сходил, прогулялся по всем дорожкам. Загвоздка лишь в том, что

могилу Кароля Йеттинга я так и не нашел. Не исключено, что я проглядел ее, кладбище огромное, к тому же там еще не косили, трава выше колен...

— Да, это досадно, — отозвался советник, сидевший справа от бургомистра. — Но, может быть, автор ошибся или просто соврал, с ними это бывает. — Он потянулся к книжке, рукой, украшенной многочисленными перстнями, перелистал несколько страниц. — Кстати, я бы охотно прочел ее первым, если пан бургомистр не возражает.

— А потом я, — сказал его сосед.

— А ты дашь ее мне.

— А у вас я возьму.

Слово взял сенатор с холеной черной бородкой:

— Боюсь, господа, как бы нам не опростоволоситься: мы даже не знаем, где могила нашего знаменитого земляка! Что если о нашем невежестве станет известно всему миру?

Отцы города заерзали:

— Что-то нужно делать!

— Как бы не опозориться!

— Совершенно с вами согласен, господа, — присоединился к ним бургомистр. — Я хочу дать поручение пану писарю, — бургомистр повернулся к низкому столику, над которым сгорбился городской писарь с гусиным пером. — Прошу вас, Рибица, попытайтесь выяснить, как, собственно, обстоят дела с могилой Кароля Йеттинга. Если заодно вам удастся узнать что-либо и о нем самом, мы будем вам благодарны.

Высокий и тощий писарь Рибица, весь в черном, поднялся со своего места и поклонился.

— Мы заслушаем вас на следующем заседании, через неделю, — сказал бургомистр — и захлопнул свою черную папку.

Ровно через неделю писарь Рибица стоял у большого стола в зале заседаний и докладывал о результатах своих поисков.

— С вашего позволения, первым делом я решил отправиться на Ондрейское кладбище.

Рибица пошел кратчайшим путем, по Дунайской улице, мимо богадельни, из окон которой выглядывали старческие

лица. „Несчастливые, — подумал Рибица, — одно только развлечение им осталось: смотреть в окно. А что если...?“

— И вот, когда я проходил мимо этого приюта, мне пришло в голову: а не порасспрашивать ли стариков?

— Отличная мысль, — кивнул бургомистр.

В приюте пахло карболкой и какой-то тухлятиной, словно тихие, выцветшие старики — тени самих себя. В коридоре собралось человек пятнадцать — те, кто еще могли ходить. О Йеттинге они и слыхом не слыхивали. Один только вспомнил: в молодости приятель его, Роберт Майтнер, как-то хвалился, что дружит с дядей Каролом Йеттингом, который ему рассказывает о кораблях, океанах, морских пиратах. И будто этот дядя Кароль жил где-то у Рыбацких ворот. Жаль, рано Роберт умер, вздохнул старик, лет пятнадцать как покойся на кладбище. Но вдова его, Гильда Майтнерова, еще жива и непременно что-нибудь должна знать, живет она напротив монастыря святой Елизаветы, найти будет нетрудно.

— В приюте я напал лишь на слабый след, о нем я упомяну позднее, — только и сказал об этом Рибица, но распространяться о своих впечатлениях от приюта не стал. Какое дело господам сенаторам до жалких, никому не нужных стариков?

Когда писарь уже подходил к воротам Ондрейского кладбища, внимание его привлекла шумная стайка босоногих мальчишек. Рибица остановился и доверительно тронул одного из них за плечо.

— Ребята, вы, должно быть, хорошо знаете это кладбище, верно?

Они неуверенно кивнули, но когда он спросил про могилу Кароля Йеттинга, они лишь плечами пожали.

— Это, наверно, будет на Блументальском кладбище, — сказал наконец один из них. И босоногая команда умчалась по своим делам.

Рибица вошел в калитку для пешеходов и очутился в этом саду тишины, где вдоль каменных стен и прямых дорожек спят вечным сном богатые горожане. Надписи на величественных памятниках с достоинством перечисляли имена,

звания, титулы, даты рождения и смерти... Благоухала цветущая липа и свежескошенная трава, щебетали птицы, жужжали пчелы, откуда-то из-за рядов плакучей ивы и туи доносился мерный шорох косы. Рибица подошел к косцу и заговорил с ним:

– Вы здесь постоянно работаете, любезный? Могу я спросить вас кое о чем?

Косарь остановился, опёрся косовищем о землю и вытер лезвие пучком травы.

– Пожалуйста, спрашивайте. Я здешний могильщик.

Услышав, что интересуется Рибицу, он удивился.

– Могила Кароля Йеттинга? Совсем недавно еще один про него спрашивал, говорил, что из газеты. Столько лет никому эта могила не была нужна – и вдруг сразу...

– А из какой газеты? – полюбопытствовал бургомистр.

– Я спросил могильщика, но он не помнил, – ответил Рибица. – Могильщик повел меня к западному краю кладбищенской ограды. Под кустом дикого жасмина стояли, подпирая друг друга, два небольших надгробных камня. Два старых камня стояли прямо на земле. Могильщик указал на один из них: – Вот этот. – Я с трудом разобрал на его щербатой поверхности надпись, высеченную готическими буквами: „Карл Йеттинг, 1730–1790“. – А с какой он могилы? – спросил я. Могильные холмики вокруг осели и почти сравнялись с землей. – Очень сожалею, уважаемый, но этого уже никто не знает, – отвечал могильщик, – эти могилы давно уже отслужили свой срок, и в них начали хоронить заново. – Он показал рукой на ряд свежих могил. – Если бы за могилой ухаживал кто-нибудь, – продолжал он, – она бы сохранилась, а так... А ведь говорят, что он был богат, мне газетчик рассказывал: будто этот Йеттинг долгое время жил на необитаемом острове и нашел там клад...

– Но ведь в книге говорится, что он нашел клад на корабле, – вмешался сенатор с черной бородкой. – Буря пригнала к острову полуразрушенный корабль, и Йеттинг нашел на нем клад.

– С вашего позволения, есть еще одна версия, – вежливо

заметил Рибица. — Правда, я книжку не читал, но в приюте я напал на след некой Гильды Майтнеровой, и после кладбища я направился к ней.

Рибица шагал по тротуару вдоль роскошного сада, вернее, парка, в глубине которого виднелся Аспремонтский дворец. Рибица подходил к дворцовым воротам, когда из них вылетела великолепная черная карета, запряженная четверкой лошадей. На облучке сидели два ливрейных кучера: один с вожжами в руках, другой — с кнутом, опущенным к земле — это означало, что в карете едет знатная особа. По ту сторону дороги привратник городского госпиталя отдал честь, и Рибица понял, что ему тоже нужно вытянуться перед каретой.

Кони летят как на крыльях, султаны над ними колышутся, из-под копыт поднимаются клубы пыли — и городской писарь мужественно вдыхает ее, ведь не может он повернуться спиной к знатной карете! Лишь когда пыль улеглась, Рибица двинулся дальше по Госпитальной улице. Действительно, нужный ему дом оказался против монастыря святой Елизаветы. Такой же дом, такой же двор, как сотни других в Братиславе. Посредине двора росло раскидистое дерево. Под деревом скамейка. На этой скамейке Рибица и застал Гильду Майтнерову, старую, обрюзгшую женщину с пронзительным голосом и не по возрасту живыми глазами.

— Значит, городские власти заинтересовались дядюшкой Каролем? — удивилась она. — Поздновато, но лучше поздно, чем никогда, верно? По правде говоря, лично я с дядюшкой Каролем не была знакома, он умер примерно за год до нашей свадьбы, но покойный Роберт часто мне о нем рассказывал, он ведь с ним много лет водил дружбу...

Рибице достаточно было задать вопрос-другой, а там уже речь старухи лилась могучим и безостановочным потоком.

— Конечно, мне и самой было странно, что старик дружил с мальчишкой, — отвечала Гильда Майтнерова, — но это в самом деле так и было: дядя Кароль рассказывал о кораблях, о морях, о морских разбойниках, а паренек слушал как зачарованный. А иногда старик читал ему свои записки, он

ведь записывал все, что испытал в жизни, у него этих бумаг была уйма... У него там было написано, — тут она перешла на шепот, — как он нашел на необитаемом острове клад, спрятанный в надежном тайнике... Нет-нет, у него здесь никого не было, жил один как перст. Единственный его сын жил в Вене, сюда приехал только, чтобы отца похоронить. Сграбастал все, что после него осталось, все бумаги перерыл, всю квартиру перевернул вверх дном, даже печь по кирпичику разобрал. Нетрудно догадаться, что он искал, только неизвестно, нашел ли... Жена? Да, дядя Кароль был женат на какой-то англичанке, да она померла, когда он еще скитался по этим своим островам...

— А я вот слыхала, — подала голос молодая соседка, незаметно подсевшая к ним и с интересом слушавшая рассказ, — я слыхала, будто пан Йеттинг женился на дочери дикарского царька и только поэтому его не съели...

— Ах, ерунда, болтовня все это! — решительно оборвала ее Гильда. — Он сам рассказывал моему Роберту: его жена была англичанка, и звали ее... погодите, дай бог памяти... да, Эллен Голд...

— Однако в книге написано, что ее звали Лизбет, — опять вмешался сенатор с черной бородкой. — И будто она приехала с ним сюда, в Братиславу, и они здесь вместе жили.

„Да, правда и вымысел основательно перемешались с тех пор,“ — подумал бургомистр. Но вслух он произнес:

— Продолжайте, Рибица. Что еще вы узнали от старушки?

— Ее тоже очень интересовало, почему дядюшка Кароль жил так скромно, если ему достался клад. Он сам готовил себе, сам убирал, а больше всего любил прогулки вдоль Дуная. „Видишь, вот здесь стоял наш домик, — показывал он своему маленькому приятелю, — здесь, я помню, мы играли в свои детские игры, а здесь была кузница моего отца...“

Кузнечное дело, работу с огнем и железом, он считал не менее достойным занятием для мужчины, чем морские плавания и поиски новых земель.

— На прощание я спросил пани Гильду, не было ли у ее

мужа какой-нибудь вещи, подаренной ему дядей Каролом. Пани Гильда покачала головой, но тут же спохватилась: „Ах, да-да! Когда Роберту исполнилось 14 лет, дядюшка Кароль подарил ему какую-то монету, очень странную! Она была не круглая, а четырехугольная и с дыркой посередке, словно ее носили на шнурке. Роберт говорил, что мама смеялась: мол, тоже мне подарок! Но когда она снесла монету ювелиру, тот дал ей столько денег, что она смогла купить сыну костюм, туфли и карманные часы. С часами Роберт не расставался всю жизнь, а когда умер, их положили ему в гроб... А еще дядюшка дал ему однажды какие-то семена, и Роберт посадил их на грядке. Из них выросло вот это дерево, под которым мы сейчас сидим. Какой оно породы, никто не знает. Так что память все-таки осталась, прекрасная память, на долгие времена.“ Вот, собственно, и все.

– Спасибо, Рибица, мы вам очень признательны за это сообщение, – сказал бургомистр.

Рибица поклонился в ответ, с трудом скрывая чувство радости и удовлетворения. Как-никак, он показал господам сенаторам, что умеет не только вести протоколы их заседаний, да варить чернила из чернильных орешков.

Он перешел к своему столу, достал толстую книгу записей и вскоре его перо привычно зашкрипело по бумаге.

– Хотя многие из этих данных противоречивы, – взял слово сенатор, сидевший по правую руку от бургомистра, – ясно, что Кароль Йеттинг был личностью незаурядной. Вы только подумайте, ему дал аудиенцию сам английский король Георг Третий! Короли ведь не принимают кого попало!

– Недаром же его называли Новым Робинзоном, – сказал пожилой сенатор с унылыми усами.

– Как жаль, что этот наш Робинзон не нашел своего Даниеля Дефо, – заметил сенатор с черной бородкой. – Книжка, прочитанная нами, увы, не шедевр.

– Тем не менее, приключения этого путешественника захватывают читателей, – сказал бургомистр. – Достаточно вспомнить, как отозвался о нем мой венский приятель Отто

фон Кратц. Я считаю, сейчас самое время воздать должное памяти Йеттингга. Думаю, нам следовало бы поставить ему новый надгробный камень от имени родного города.

— Но ведь мы даже не знаем, где его могила! — развел руками сенатор с черной бородкой.

И тогда попросил слова самый старей из сенаторов, молчавший до сих пор.

— Да, к нашему сожалению — и к нашему стыду — мы не знаем, где его могила. О нем пишут книги, им восхищаются, а мы не знаем даже, где покоятся его кости. Люди не помнят, но помнит земля! И потому мы можем воздвигнуть надгробный камень если не на могиле, то, по крайней мере, на земле его кладбища.

Через четыре месяца, в конце октября, на Ондрейском кладбище был торжественно открыт надгробный камень. Он возвышался на открытом месте и был хорошо виден со всех сторон. На нем был изображен вид на море: У берега стоит на якоре двухмачтовый корабль со спущенными парусами, с вымпелами на мачтах. В левом верхнем углу красуется герб города Братиславы. А внизу, под рельефным изображением — надпись на двух языках, немецком и словацком:

*В 1844 году этот камень поставлен городским советом
в память о Кароле Йеттингге,
Братиславском Робинзоне (1730—1790),
прах которого покоится на этом кладбище*

Памятник сохранился до сегодняшнего дня. Безжалостное время не пощадило его, но он все еще производит одновременно величественное и трогательное впечатление.

Ян Гергот

БЫЛО время, когда жили словаки в беде и нищете. Многие бедняки лебеду варили, а заедали ее лепешкой из отрубей. Разве на такой еде может вырасти здоровый мужик?

— А ты от чего такой вымахал? — спрашивали люди Яна Гергота.

— Неужто не знаете? Я же дома умываюсь вином, а ветчиной утираюсь. — И Ян заливался жизнерадостным смехом.

Ему-то было легко. Ведь у него отец был мясник, да к тому же и виноградарь. Легко ему было вырасти великаном-силачом, которому не было равных во всей Братиславе, а то и во всей стране. Редко-редко, может, раз в сто лет природа соединяет в одном человеке столько силы – физической и духовной.

Лет четырнадцать ему было, когда он пришел к кузнецу с просьбой:

– Пан мастер, сделайте мне валашку¹⁾, да не игрушечную, а настоящую, такую, чтоб была мне по руке.

И он вытянул перед собой свои ручища-лопаты.

Кузнец сработал ему валашку на совесть – знал, что отец Яна в долгу не останется. И точно, он получил за нее целого кабана, потому что валашка получилась на славу. Ее широкое лезвие из самой лучшей стали одним ударом валило трехлетнюю ель. Ян Гергот никогда с ней не расставался.

Ян унаследовал ремесло своего отца, но образование получил приличное: три года он проучился в братиславском лицее. Там он познакомился с Йозефом Гурбаном и Людовитом Штуром, будущими вождями словацкого национального движения, там стал их сторонником и верным другом. Без Яна и его валашки не обходилась ни одна загородная встреча штуровской молодежи, в том числе и та памятная прогулка на Девин, где каждый участник встречи добавил к своему имени еще одно славянское имя: Штур взял имя Велислав, Гурбан и Ходжа – Милослав, Шкултети – Горислав, Червенак – Православ. Ян Гергот взял имя Бранислав.

Удивительный это был человек, Ян Гергот. Верный своему народу словак с немецкой фамилией. Мясник, прекрасно игравший на органе. Трактирщик, но и знаток древностей, его дом был полон редкостных памятков народной культуры. Скоропромышленник, участвовавший во всех важных национальных событиях того времени. И все годы он жил неподалеку от Братиславы, в маленьких городках Ружиндол, Зеленеч, Вайноры и, наконец, Юр.

¹⁾ Валашка – посох с рукояткой в виде топорика.

Во время словацкого восстания 1848 года капитан Ян Гергот всех поражал своей силой. Он увлекал бойцов своей отвагой. Громовым голосом он отдавал команду – и кавалерия повстанцев летела как ветер, неся на остриях своих сабель неотвратимую смерть. Когда дело доходило до рукопашной, ему стоило только плечами повести, и налетевшие на него враги валились как снопы. Тщетно пытались разделаться с ним венгерские гардисты.

И все же он попался им в лапы!

После неудачного боя с превосходящими силами Гергот уходил от врага на своем могучем коне и уносил знамя гурбановских добровольцев. Оно было обмотано вокруг тела под рубашкой. На лесной дорожке прямо перед ним упало вдруг могучее дерево и придавило его своими ветвями. Пока Ян выбирался из-под них, на него набросилась целая свора гардистов. Они связали его цепями по рукам и по ногам и заперли в каком-то погребе.

– Знатная добыча! – хвастались гардисты. – Все-таки поймали мы этого Гергота! Завтра будет болтаться на виселице!

– Уж мы срубим для него виселицу покрепче, не всякая выдержит такого великана! – смеялись они.

Лежит Ян Гергот в темном подвале, связанный, беспомощный, неподвижный как колода. Вдоль стены виднеются ряды винных бочек. Хоть бы горло смочить, всё было бы легче! Да где там! – Ян отвернулся. Все бочки пустые, затычки выбиты. На улице топор стучит, видно, обтесывают для него виселицу. „Гей, столбы тесаные, белые, чтобы весело висели мы...“, вспомнилась ему народная песня. Как ласково поется в ней о виселице: хорошо бы ее, красавицу, расписать, серебром-золотом разубрать – виселицу, последнюю постельку, где ветер в ножки поддувает...

„Не рано ли о смерти думаешь! – прикрикнул Ян на себя. – Думай лучше, как в живых остаться.“ Ведь вместе с ним повиснет на виселице и гурбановское знамя; бело-синекрасное, с надписью „Слава всем словакам!“, бесценное знамя, которое он спрятал на своем теле, под рубашкой, чтобы уберечь его от позора. И теперь знамя повесят вместе

с ним? А вдруг знамя обнаружат на нем, когда поведут на виселицу? Нет, ни за что нельзя допустить такого позора, любой ценой нужно выбраться! Если бы не цепь... цепь... цепь, она ведь состоит из звеньев, из многочисленных звеньев, а в любой цепи всегда найдется звено послабее. Ему ли этого не знать, ведь через его руки прошла тысяча цепей, сколько голов всевозможного скота водил он на цепи. Эх, найти бы и здесь слабое звено!

Он выворачивает руки, связанные за спиной, так, что хрустят суставы, лопается кожа, теплое и липкое стекает по пальцам. Найти слабое звено! Ага, возможно, это оно! Он вцепился в него пальцами, всю силу своей надежды и своего отчаяния вложил он в них... Поддается! Железо поддается, разгибается! Спасибо вам, батюшка и матушка, что вы меня родили таким сильным!

Он освободился от пут и бросился к бочкам. Может, хоть в одной найдется глоток. Нашелся! Ян подымает бочку над головой и жадно пьет, ведь у него уже два дня не было капли во рту. Напился, ополоснул вином окровавленные руки. „Добро, — усмехнулся, — вином я уже умылся, жаль, нет здесь ветчины, чтобы ею утереться! Ну, ничего, затянем пояс потуже.“ Ян обмотал кулаки цепями — кому-то сейчас плохо придется! Он стал стучать в двери, адский грохот раздался в ночи.

На шатких ногах спешат к двери пьяные караульщики.

— Черти в него вселились, что ли? — ворчит один.

— Ничего, завтра он у нас будет тише воды! — бормочет другой. — Завтра черти получают твою грешную душу!

Они отперли дверь, осторожно заглянули... — и тут же мешками повалились на землю. Ян втащил их в подвал и запер на замок. Потом осторожно пробрался мимо спящих гардистов и отправился в путь.

К утру он далеко ушел своими длиннющими ногами, на рассвете зарылся в стог сена и проспал в нем до самого вечера.

„Куда же мне теперь податься? — стал он думать. — Домой нельзя, там меня первым делом начнут искать. А, знаю! Пойду к тестю в Вайноры!“

Вайнорский нотариус Риккель обрадовался, увидев зятя

живого и здорового. Но тут же вздохнул, призадумался. В стране объявлено военное положение, тюрьмы переполнены словацкими патриотами, повсюду идут обыски.

— Знаешь, где мы тебя спрячем? — сказал он. — На колокольне. Звонарь, дядя Шебо, каждый раз, как пойдет звонить, будет приносить тебе еду.

Несколько недель слушал Ян Гергот вайнорские колокола над своей головой, слушал, как они оплакивали крушение надежд народных.

А когда дядя Шебо сообщил ему черную весть, что два его соратника, Вилко и Карол, повешены, тогда Гергот сам раскачал колокола и долго-долго звонил, а по лицу его стекали скупые мужские слезы.

Наступили тяжелые годы. Император так и не выполнил своего обещания позаботиться о маленьком угнетенном народе, а словацкие народные вожди влачили нищенское существование в дальних заброшенных деревеньках.

Однажды ожидался в Братиславе приезд императора Франца-Иосифа I. Готовился большой парад, торжественный обед, ликующие толпы народа и приветственные речи.

Ян Гергот должен был возглавить отряд из пятисот конников. И вот прибыла в город крестьянская кавалерия, все в красочных национальных костюмах, гривы коней украшены лентами. Командир выше всех на четыре головы, потому что не только он сам, но и конь его был великаном.

Выстроились они выше Михальских ворот, на Капустном рынке. Глядит Гергот с высоты на людской муравейник и вдруг видит, как пробирается сквозь толпу какой-то человек — видно, дорогу хочет перейти. Незаметный человек с седоватой бородкой, в простом черном костюме. Сколько лет прошло, а Гергот сразу узнал его: ведь это Йозеф Милослав!

В тот момент, когда человек в черном костюме, затерявшийся среди праздничной толпы, ступил на булыжную мостовую, Гергот скомандовал громовым голосом:

— Кавалерия, смирно! В честь Йозефа Гурбана, народного вождя словаков — на караул!

Со звоном вылетели из ножен пятьсот сверкающих клинков. И полтысячи могучих голосов грянули:

— Слава! Виват! Да здравствует!

Гурбан спрятал улыбку в седой бородачке, взмахом руки приветствовал Гергота и поспешно скрылся в толпе на противоположной стороне улицы.

Примчался распорядитель, орет во всю глотку:

— Какой еще „виват“? Что за крики? Государь-император еще и в карету не сел!

А вот и государь-император со своей свитой. Сидит в позолоченной карете, в которую запряжена шестерка белых коней с пышными султанами, сидит и кланяется на все стороны. Городская публика кричит и машет, из кожи вон лезет от восторга. Но когда карета скрылась из виду, у многих был недоуменный вид, что-то никак не укладывалось в их головах. Почему крестьянская конница и их великан-командир приветствовали государя-императора с прохладцей, а какому-то невзрачному, неизвестному человеку устроили такую овацию?

По воле судьбы после основания Чехословацкой республики именно эта площадь получила имя Гурбана.

В конце шестидесятых годов прошлого века словацкие театралы-любители готовили в Трнаве спектакль. В жизни словацкой национальной культуры это было большое событие, и неудивительно, что билеты были распроданы заранее. И тут прошел слух, что недоброжелатели готовятся сорвать спектакль: будут, мол, свистеть, кричать, бросать на сцену соломенные венки.

Наступил долгожданный вечер, зал был полон — яблоку упасть некуда. В зрительном зале сидел и Ян Гергот, положив огромные ручки на свою знаменитую валашку. Вот-вот должен подняться занавес. И тут Гергот вскочил вдруг на подмости, взмахнул валашкой в сторону галерки и гаркнул:

— Эй, ты там, сзади, заруби себе на носу: посмей только свистнуть — одна у тебя душа, и ту из тебя вышибу!

Еще раз пригрозил валашкой и вернулся на свое место.

Угроза подействовала — представление прошло спокойно.

Вот какой он был человек, этот Ян Гергот!

Он похоронен в Юре, на маленьком кладбище у старой церкви. На его надгробном камне высечены стихи, написанные его современником, Михалом Мудронем:

*Чистым сердцем служил ты во славу славян,
слава ныне и вечно тебе, великан!*

*Ты не умер! Ты спишь до той самой поры,
когда выйдут герои из спящей горы.¹⁾*

Но не только трогательную легенду о своей жизни оставил нам Ян Гергот. Осталась после него и память вполне осязаемая: гурбановское знамя, которое он спас, спрятав его на своем теле.

Более семидесяти лет хранилось это знамя у потомков Гергота, потом они передали его Братиславскому музею, где оно стало одним из драгоценнейших его экспонатов.

Знамя это длиной почти в два метра, полтора метра шириной, сшито оно из трех полотнищ. На белом полотнище выложены шелковым шнуром слова: „Братство и единство!“ На синем полотнище: „За короля и народ словацкий!“ На красном полотнище: „Слава всем словакам!“

¹⁾ Согласно легенде, в глубине горы Ситно спит дружина рыцарей, которая проснется и выйдет в тот час, когда родине будет угрожать опасность.

Зеленый ОХОТНИК

КАК только на городские улицы опускались сумерки, братиславские фонарщики дружно выходили на свои участки. Они ходили от одного фонарного столба к другому и зажигали газовые фонари, и каждый зажженный фонарь был похож на светящийся зеленый чулок. Засветят фонарщики эти свои славные чулочки – и до утра никаких забот.

Но так бывало не у всех. С папашей Пиштой, фонарщиком с Вентурской улицы, часто случалась одна странная история: ровно в полночь фонари на его участке гасли, словно их кто-то задувал.

– Опять этот Зеленый охотник! – ругался папаша Пишта.
– Ну, попадись ты мне – кости переломая, даром что ты привидение!

А что ему еще оставалось делать, как не ругаться? Ведь на утреннем обходе ему и гасить-то было нечего – большинство фонарей вообще не горело.

Вот и сегодня он вошел в закусочную пани Гутманки в препаршивом настроении.

– Доброе утро, пани Гутманка, – сказал он, усевшись за тяжелый дубовый стол. – Дайте-ка мне выпить чего-нибудь от злости!

Пани Гутманка принесла ему рюмочку можжевелевой настойки и по-свойски подсела к столу – в этот ранний час других гостей у нее не было.

– Видно, опять побывал у вас Зеленый охотник?

– Опять, чтоб ему провалиться! – Папаша Пишта поднял рюмку и опрокинул ее в глотку. – Попадись он мне – я бы ему ребра пересчитал!

– Что вы! – всплеснула руками пани Гутманка. – Увидеть его еще можно, а вот дотронуться – ни-ни, боже вас упаси!

– Ну, а как же его... того... можно увидеть?

– Кто ж его знает, герр Пишта, – развела руками пани Гутманка. – Соседка Кламерка однажды его видела, когда шла ночью в аптеку, потому что мужу стало плохо. И старый пан из дома напротив, который в магистрате служит, он тоже его раз видел – правда, я никак не пойму, зачем старому пану выходить из дому в глухую ночь? Ведь Зеленый охотник является только между двенадцатью и часом ночи. Он весь в зеленом, за плечом охотничье ружье. Ходит от столба к столбу и что-то ищет, но не находит. Тогда он выпрямится, погасит фонарь и идет себе дальше.

– Но зачем он гасит, зачем? – Папаша Пишта возмущенно стучит пустой рюмкой по столу.

Пани Гутманка правильно истолковывает этот жест и снова наливает ему рюмочку.

– Зачем? – продолжает она беседу. – Может, чтобы обозначить место, где он уже искал. Кто их знает, о чем они думают, эти привидения. Но связываться с ним, нет, это никак нельзя!

— А вот я бы с ним связался, — бесстрашно заявляет папаша Пишта и залпом выпивает вторую рюмку.

— Понимаете, герр Пишта, иногда Зеленый охотник входит даже в дом. Моя мутти, моя мамочка то есть, когда она была еще девчонкой, подростком, проснулась однажды: ей почудилось, что дверь открывается. Вот она проснулась и села в постели. Действительно, дверь отворилась и в комнату вошел он, Зеленый охотник. Она хорошо его видела, потому что была ясная лунная ночь. Он не шел, а шагал, знаете, как солдат, но шагов не было слышно. Подошел к шифоньеру, выдвинул ящик и стал рыться в нем. Что-то ищет. Выдвигает второй ящик, ищет, роется. Открывает третий, четвертый, и все ищет, роется, шарит. Всё перерыл. И тут вам эта девчонка, этот подросток, то есть моя мутти, вдруг спрашивает его: „Что вы ищете?“ — Зеленый охотник вздрогнул, будто его разбудили, и поднял голову. Глаза у него были зеленые и светились как газовый свет! И двинулся к постели, к этой девчонке неразумной, вот он уже руку к ней протягивает, а она застыла от страха, о! — Пани Гутманка в ужасе прижала ладонь к горлу. — Но тут, к великому ее счастью, пробило час. Зеленый охотник опять вздрогнул, словно услышал чей-то приказ, повернулся к дверям и неслышным шагом ушел. Ну, разве не ужасно?

— Да-да, в самом деле... — кивает папаша Пишта. — А что он, собственно, ищет, этот Зеленый охотник?

— Кто его знает? Раз ищет в ящиках, значит, что-то небольшое, может, перстень... или какой-то ключик...

— ...а может, ему дробь нужна? Ведь он с ружьем ходит.

— Тоже может быть. В самом деле, ходит с ружьем, но никогда из него не стреляет... В общем, ходит, бедняга, ищет и никак не может найти. И все-таки, герр Пишта, он никому не причиняет зла, если его не трогают, не заговаривают с ним. Лучше бы вам оставить его в покое.

Папаша Пишта кивает, благодарит за добрый совет, расплачивается и, задумчивый, уходит домой. Пожалуй и верно, не стоит связываться с привидениями, ну их...

Много лет прошло с тех пор. Давно уже нет на свете папаша Пишты и пани Гутманки. И Зеленый охотник

Трактир „У чеснока“

В СЫРУЮ погоду пригородная железнодорожная станция Млинске-Нивы выглядела еще безотраднее чем всегда. Несколько человек на перроне зябко кутались в пальто и притопывали ногами в ожидании поезда.

— А не забежать ли на чашку чая вон в тот ресторанчик? — произнес кто-то из них, обращаясь как бы в пространство.

Как ни странно, он получил ответ на свой безадресный вопрос от другого ожидающего, который приплясывал рядом с ним:

— Забежать-то можно, времени еще с полчаса, но, по правде говоря... я бы вам не советовал посещать это заведение.

— Это почему же?

— Видите ли, о нем ходят нехорошие слухи...

— Вот как? Это уже интересно! Ну-ну, договаривайте, раз начали.

— Поговаривают, что туда навевается всякая нечисть, понимаете? Будто там бывает вампир! Сами видите, до кладбища рукой подать.

— Вы меня пугаете...

— Говорят, в день открытия ресторанчика, герр Душек, хозяин, значит, стоял перед дверьми, приглашал всех прохожих и бесплатно угощал. Тогда, говорят, вошел и вампир, потому что он может войти только туда, куда его приглашают. И с тех пор, говорят, он туда навевается под вечер, или когда небо пасмурное, вот как сегодня... Потому что, надо вам сказать, вампиры боятся солнечного света. Вот и ходит он сюда, заведет знакомство с кем-нибудь, а потом... потом не завидую я этому человеку!

— Ох, я вам очень признателен за ваш рассказ. Больше ноги моей там не будет!

Примерно в то же время, ну, может, дня через два, служанка Зузка пришла к хозяйке, пани Душек, за расчетом.

— Вы уж на меня не сердитесь, милостивая пани, но только никак не могу я здесь оставаться.

Милостивая пани всплеснула руками:

— Что с тобой, Зузка, что случилось? Чем тебе у нас плохо?

— Да вроде и неплохо, милостивая пани, работа не хуже чем у других... Но тут такие жуткие дела происходят...

— Что ты мелешь, Зузка!

— А вы разве не знаете? Ведь к вам ходит упырь, или нет, как его, ага: вампир!

— Господи, Зузка! — вытаращила глаза милостивая пани.

— С чего ты взяла?

— Да об этом воробьи на всех крышах чирикают. С тех самых пор, как пропала фройляйн Агика!

— Да ведь она сбежала в Будапешт вместе со своим ухажёром!

— А другие совсем не так говорят, — стояла на своем Зуска.

— А неделю тому исчез молодой пан Даллош, тот, что ходил сюда в биллиард играть. Все говорят, что это вампир его... Так что вы уж, пожалуйста, не гневайтесь, но я от вас ухожу.

Фрау Душек была настолько ошеломлена, что даже сердиться не могла. В конце концов, без одной служанки она день-другой перебьется, а там подыщет себе новую. Но после этого разговора у нее открылись глаза: так вот почему к ним заглядывает всё меньше и меньше народу! Сама-то она ни в каких вампиров не верит и исчезновение молодых людей могла бы объяснить совсем иными причинами, но какая ей от этого радость, если сказкам про вампира верят остальные... Да и, собственно... что, если в самом деле? Кладбище близко... для вампира очень даже удобно. Перелез через ограду, отряхнулся... кто знает, сколько раз она сама его обслужила!

И вот как-то после закрытия ресторана она завела разговор с супругом:

— Послушай, муженек, с этим вампиром нужно что-то делать, пока он нам всех гостей не распугал. Самые лучшие клиенты все равно уже разбежались...

— Надо, надо! — проворчал герр Душек. — А что тут поделаешь?

Как будто сам он не изводился больше всех! Нет, не пошло начатое дело, вопреки всем его расчетам.

— Вот если б узнать, кто из них вампир... — вздохнула фрау Душек.

— Конечно, это же проще простого! — взъярился герр Душек. — Давай будем ходить от стола к столу: „Будьте любезны, покажите свои зубы, не вы ли вампир?“ Эх ты, голова садовая!

— Он еще будет издеваться надо мной! — в свою очередь взвилась милостивая пани. — Если моя голова тебе нехороша, тогда твоя-то чего стоит? В чью умную голову пришла эта идея: открыть ресторан в двух шагах от кладбища, а?

— Жена, придержи язык! Разве не видишь, что место

в самом деле отличное? Рядом станция, рынок, люди так и мелькают под окнами — всё что нужно для хорошего заведения...

— Кроме этого кладбища...

— Кроме него, черт бы его побрал!... Но послушай, я, кажется, придумал: Зеркала!

— Какие зеркала, зачем?

— Где-то я слышал, хотя нет, не слышал, а читал в какой-то книге — а книга ведь не соврет, ясное дело! Так вот, я читал, что вампир не отражается в зеркалах. Значит, понаделаем всюду зеркал и станем следить... Если кто придет в ресторан, а в зеркале его не видно, значит, вампир! Тут же его выставлю и навсегда запрещу переступать наш порог!

То-то удивились посетители, когда на всех стенах ресторана появились большие зеркала, многократно отражавшие весь зал и всех находившихся в нем. Одним нравилось, что хозяин старается украсить свое заведение, зато другие возмущались: что за радость одновременно видеть себя и спереди, и сбоку, и даже сзади, особенно если ты в подпитии! Или, скажем, хочешь выйти в дверь, а врезаешься в зеркало! Хочешь войти — опять же врезаешься в зеркало!

Прошло некоторое время — и все зеркала оказались разбитыми.

Супругов Душеков как обухом по голове ударило. Дело даже не в убытке (хотя и он им ни к чему). Разбитые зеркала яснее ясного подтверждали, что их в самом деле посещает вампир. Кто же еще станет бить зеркала — только он. Испугался, что его изобличат!

— Ну всё, теперь остается только чеснок, — сказала фрау Душек, чуть не плача. Она терпеть не могла чеснок, фрау Душек воротило от одного его запаха. Что может быть вульгарнее, неприличнее!

А что поделаешь? О чесноке доподлинно было известно, что он обладает чудодейственной силой: любая нечисть шарахается от него. Стоит провести чесноком крестик на двери, и вампир сюда не сунется.

Ну да, но ведь герру и фрау Душек нужно было доказывать изгнание вампира не столько себе, сколько своим

клиентам! Это их нужно было успокаивать! Поэтому супруги сплели целый венок из чесночных головок, и герр Душек собственноручно приколотил его к косяку входных дверей.

Слухи о посещениях вампира наконец-то утихли, никто в округе больше не исчезал. Но в то же время, к бесконечному сожалению фрау Душек, из ресторана бесповоротно ушли все „приличные клиенты“. Постепенно он превращался в трактир для возчиков, торговцев и случайных проезжих, которые расхаживали здесь в грубых сапогах, говорили грубыми голосами и заливали пивом мраморные столики. Правда, над входом по-прежнему красовалась горделивая надпись: ресторан „У Душека“, но вся округа звала его не иначе, как трактиром „У чеснока“. Соберется какая-нибудь компания выпить пивка, и кто-нибудь непременно скажет:

— Ну что, ребята, махнем к „Чесноку“?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

К своей книге братиславских преданий я готовилась не один год: ходила по библиотекам, букинистическим магазинам, собирала все, что относится к Братиславе — давней, исторической и нашей, сегодняшней. В моей библиотеке литература о Братиславе начала вытеснять все остальные книги.

Город и его окрестности я исходила вдоль и поперек. Ведь нужно было собственными глазами увидеть каждый исторический памятник, рассмотреть каждую деталь! Место действия каждой легенды, каждого рассказа приходилось сопоставлять с картами, изображениями, описаниями того времени — и я тщательно изучила топографию старой Братиславы. Ради одной-единственной реалии или названия рылась в горах книг, отправлялась в музей, советовалась со знающими людьми, со старожилами. Больше всего радовалась, когда обнаруживала в далеком прошлом словацкие и славянские элементы, свидетельства преемственности времен. Лихорадка первооткрывательства охватила меня: хотелось узнать как можно больше, до всего доискаться. Вот так же мы жаждем узнать как можно больше о любимом человеке.

Даже там, где речь шла о событиях легендарных, о „делах давно минувших дней“, я добивалась правдивости временного и пространственного фона, подлинности реалий. С материалом можно обращаться творчески, свободно, не допуская в то же время никакого своеволия при его обработке.

В результате возникла и вышла в свет книга братиславских преданий, легенд и исторических картинок — „Дунайская королева“.

И все же оставалась масса ценных материалов. Они не только заполнили ящики моего письменного стола — голова и сердце были полны ими. Неужели этот материал не заслуживал обработки? Можно ли было допустить, чтобы эти драгоценности лежали под спудом? — Эта мысль не давала покоя, заставляла продолжать работу. Так родилась вторая книга о нашем городе — „Братиславский колокол“.

А потом оказалось, что накопленный материал может заговорить по-иному, в совсем другом ключе. И тогда я написала третью книгу о Братиславе — „Ключи от города“.

Окунуться в жизнь Братиславы и ее окрестностей, в ее многовековую сложную историю... Для писателя это не только радость, но и источник новых творческих импульсов.

Книги „Дунайская королева“ и „Братиславский колокол“ я посвя-

щаю нашей милой Братиславе, городу огромного великодушия и гостеприимства. Навсегда запечатлелась в моей памяти встреча с Братиславой в сорок пятом году. Тогда обе мы были изранены войной. И этот город великодушно приютил меня, стал моим родным домом. Я попыталась выразить всю свою признательность с помощью этих книг. А жителям Братиславы, особенно молодым, я желаю, чтобы, познавая свой город, они полюбили его еще больше. Ибо вряд ли можно говорить о настоящей любви к непознанному и не понятому до конца.

сентябрь 1980

Мария Дюричкова

СОДЕРЖАНИЕ

9	Яблоко жизни
17	Буканова дочь
24	Витязь и дракон
31	Предание о башне
39	Девичья башня на Девине
46	Смекалка виноградаря
51	Железная муха
56	Белый орел
61	Девинский суд
66	Предание о Черной пани на Михальской башне
71	Топортян
78	Последнее ведро
82	Влкоша
90	Чертова картина
95	Братиславский колокол
102	Предание о скульпторе
109	Чертова мельница
115	Как черт работал чертом
123	Утиный фонтан
130	Братиславский Робинзон
139	Ян Гергот
146	Зеленый охотник
150	Трактир „У чеснока“
155	Вместо послесловия

152	Вместо послесловия
150	Праздник „У-селемат“
146	Знакомство с музыкой
139	На Тибете
130	Бразильская Понгала
123	Утренний фонтан
117	Как очень добрый человек
109	Уютная баня
102	Праздник в Эквадоре
95	Бразильская Конгола
90	Праздник в Китае
82	Бразилия
78	Праздник в Китае
71	Праздник
65	Праздник в Китае
61	Праздник в Китае
56	Праздник в Китае
51	Праздник в Китае
46	Праздник в Китае
38	Праздник в Китае
31	Праздник в Китае
24	Праздник в Китае
17	Праздник в Китае
10	Праздник в Китае
3	Праздник в Китае

МАРИЯ
ДЮРИЧКОВА

Братиславский колокол

*Братиславские предания, легенды
и исторические картинки*

Иллюстрировал Мирослав Ципар
Графическое оформление Любомир Кратки
Со словацкого оригинала
Prešporský zvon, Mladé letá, Bratislava 1978,
перевел Юзеф В. Пресняков

Издание этой книги осуществлено
издательством „Младе лета“, Братислава, ЧССР,
в творческом содружестве с издательством
„Детская литература“, Москва, СССР.
Редактор Л. Либет
Тираж 70 000 экз.
Отпечатано в Чехословакии

Цена 2 р. 90 к.

Младе лета

